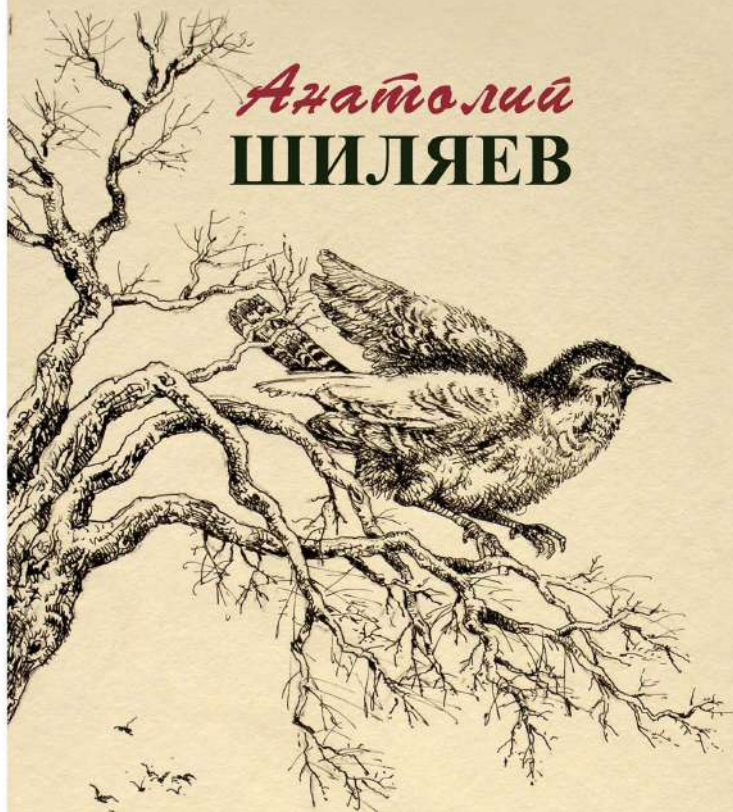

Анатолий ШИЛЯЕВ

Анатолий

Анатолий
ШИЛЯЕВ

Над **Р**усской
равниной

*Я был давно.
Ещё я долго буду,
Пока стоит единственная Русь...*

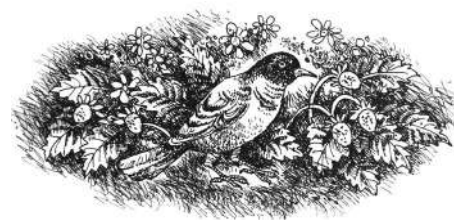
А. ШИЛЯЕВ

Анатолий Шиляев

Над Русской равниной

Избранные стихотворения

Орёл
2018

УДК 82-1
ББК- 84 (2Р)6

*Редактор-составитель Елена Машукова
Художник Николай Силаев*

Шиляев А.С.

Ш60 Над Русской равниной: избранные стихотворения. – Орёл:
ПАО «Типография «Труд», 2018. – 378 с., илл.

ISBN

Анатолий Шиляев (1938 – 1987) – русский советский поэт, член Союза писателей СССР, автор нескольких поэтических сборников. Его творчество неразрывно связано с Россией, родной Орловщиной. Все радости и горести отчего края проходят через сердце поэта. Лиричны, наполнены живыми красками, запахами и звуками стихотворения об орловской природе, о героической истории нашего народа, о любви, о смысле жизни.

В книгу Анатолия Шиляева «Над Русской равниной» вошли стихотворения из поэтических сборников «Глубина сердца», «Русская равнина», «Высокие деревья», «Движение», «Зелёный берег», «Свет Родины», а также стихи, написанные поэтом в последние годы жизни и ранее не публиковавшиеся.

ББК- 84 (2Р)6

© А. С. Шиляев, наследники, 2018.

© Н. Силаев, художник, 2018.

Из книги
«Глубина сердца»
(1966)

Мерцание

Выхожу в осенний листопад,
На душе светло и одиноко,
И мерцают мысли невпопад,
Словно звёзды россыпью далёкой.

Где-то в ночь уходят корабли,
Раздвигая волны и туманы,
Где-то умирают короли,
И в любовь играют донжуаны.

Где-то шелестящие дожди
Пляшут бесконечный танец неба,
Словно краснокожие вожди,
Никогда не видевшие снега.

Где-то скалы мужество грызёт,
И, храня уверенность и целость,
Затаился гибко горизонт,
Стрелами ракет в меня нацелясь.

Где-то...
Но планета велика,
В бесконечность млечную несётся,
А над ней колышутся века,
Как знамёна с отпечатком солнца.

Им шуметь и в Лету дни ронять,
Мне пылать то в счастье, то в обиде,
Чтобы непонятное понять
И вдали незримое увидеть.

Моё сердце всё чаще томимо
Голубой тревогой бессонницы:
Как бы жизнь не промчалась мимо
Бесшабашной, как ветер, конницей.

Я хочу подниматься с рассветом,
Когда ночь хрупким шаром расколется,
Чтобы вместе с летящим веком
Ненавредить,
 любить,
 беспокоиться.

И работать светло и просто,
Чтобы видеть великое – в малости.
А потом засыпать под звёзды
На горячих руках усталости.

Ах, ветер,
Ты такой чудак,
Опять ко мне в окно стучишься
И, заглянув на мой чердак,
Своей дорогой дальше мчишься.
Куда ж ты, ветер? Заночуй,
Ляг у печной трубы и грейся.
Тебя обидеть не хочу.
Но на иное не надейся.
Сейчас в России холода.
Тебя ещё не каждый пустит.
Твоя седая борода
Скрипит, как заяц на капусте,
Твои скользящие шаги
По крышам шаркают устало,
Как будто две твои ноги
Упорно ищут пьедестала.
Но на Земле покоя нет.
Есть только миг короткий –
Отдых...
И голоса других планет
Пронзают пустоту и воздух.
А небо падает в глаза
Подстреленной в полёте птицей,
Гудят тугие паруса,
И юнгам по ночам не спится.
Им снова видятся моря
И марсианские каналы,
Где юнги бросят якоря
И ступят радостно на скалы...
Я тоже юнга.
Мой корабль
На старте в ожиданьи замер.
И сердце говорит: «Пора,
Пора и нам держать экзамен».

Но знаешь,
В час, когда Земля
Уйдёт от нас, играя светом,
В пути ты не оставь меня
И стань моим попутным ветром.

Мастерство

В. Дронникову

Есть смелая поэзия в полёте.
Я как-то засмотрелся в небеса:
Там лётчик на звенящем самолёте
Выдελывал такие чудеса!

То падал вниз,
 то вверх взвивался броско,
Выписывая петли в синеве.
А под конец серебряной полоской
Небрежно расписался в мастерстве.

Дороги

Ты рассказывал мне про скалы,
Про летящие, звонкие рельсы
И про то, как, волны раскалывая,
Корабли уходили в рейсы.

Ты рассказывал мне без шуток
Про чертовские холода,
Как однажды ты трое суток
Незаслуженно голодал.

А потом одиноким демоном
На оленях летел сквозь бурю.
Жизнь казалась тебе несделанной,
Снег казался лилово-бурым.

Непогода смеялась и била,
Только спас тебя сельский врач...
Это было, конечно, было,
Знаю, ты не умеешь врать.

Расскажи про края тревожные,
Что там видится впереди?
Ты мою успокоенность ложную
Беспокойностью береги.

Чтобы вдруг, пожалев о немногом,
Бросив другу-поэту: «Твори...»,
Я пошёл бы по долгим дорогам
Продолжать дороги твои.

Качели

Я в детстве любил качели,
Их гордую маяту,
Качели меня качали,
Раскачивая мечту.
Они меня возносили
На синюю высоту
И опускали сильно
В бездонную пустоту,
И снова взлетали размеренно
Над милым мирком двора.
Качались внизу неуверенно
Неколотые дрова...
Качели сулили многое
И, глядя на мой полёт,
Мне
 мальчиком тонконогим
Завидовал тополёк.
А я всё взлетал и падал
До замиранья в груди,
Как будто уже над садом,
Над городом –
 впереди,
И словно шумели крылья
Над миром полей и берёз...
Но годы шагали и плыли,
А я незаметно подрос.
А сердце моё не в печали.
О давнем оно не скорбит.
Ведь жизнь –
 это тоже качели
С путаницей орбит.

Грею руки у таёжного костра,
Вспоминаю о любимом и заветном...
Утро серое проклюнулось,
И страх
Отступает
Торопливо и заметно.
Я – тайга,
Я – среднерусский сибиряк,
Я – геолог
С бородою светло-русой.
Мне открытия
По каплям собирать,
Словно ягоды за речкою Неруссой.

Надо мною
Кедры старые сошлись
И задумчиво
Качают головами.
И сочится сквозь деревья
Неба высь,
Словно песня
С душевными словами.

Я – тайга.
А в древнем городе моём
Маме старенькой
Над Орликом не спится:
Всё ей кажется – не ветер за окном
Стукнул ставнями,
А сын её стучится.

Горит ветвей зелёных пламя.
И словно в древние года,
Посеребрённая вода
Течёт медлительно и плавно.

Я снова мысли беспокою:
В который день, в который век,
Какой далёкий человек
Назвал тебя, река, Окою?

Не тот ли пращур крутоплечий –
Хозяин солнечных степей,
Дал имя краткое тебе
И тем тебя увековечил?

А может, враг, придя с победой
И глядя поражённо вдаль,
Тебе любимой имя дал?
Поведай мне, Ока, поведай.

Люблю ловить твои легенды,
Их сабель отдалённый звон.
Они берут меня в полон,
Опутывая лёгкой лентой...

На берегу твоём прилягу,
Ты расскажи про жизнь свою,
Твои рассказы я совью
И песней вылью на бумагу...

Лебеди

...Над лебедою
Лебеди летят,
Над летним лесом
Лебеди белеют.
Что в этом мире
Лебеди хотят,
За что они, свободные,
Болеют?
Внизу –
Земля в рассвете и росе.
Внизу –
Зелёный зов берёз и сосен.
В низинах
На траву туман осел:
А лебедей
Уносит и уносит.

И высота открытая стоит,
Как на ветру –
Тесовые ворота.
Она в себе
Взволнованно таит
Величие спокойного полёта.

А дальше
Просыпается село,
В зевоте
Рты дверей распахивают избы.
Ах, лебеди,
Куда вас понесло!
Сейчас вам стаей
Опуститься вниз бы,
На старый пруд,
Где синяя вода
Ещё ночной прохладой
Сонно дышит,
Где тихо голубеет лебеда.

Но вы летите
Выше,
 выше,
 выше,
Крылами
Жадно рассекая свет
Над лёгкими,
Как утро, облаками.
И машет вам
Сама Россия вслед
Берёзовыми белыми руками.

Заблуди меня, лес,
Заблуди,
В царство сонное
Заведи,
Где по заводи
Без людей –
Стаи белые
Лебедей.

Где по шорохам
Ходит сон,
Словно в омуте
Старый сом,
И от зелени зелена
Дремлет
Медленная луна...

Там, не сетуя на судьбу,
Спит царевна
В хрустальном гробу.
И уста у неё,
Что мёд.
Не меня ли царевна ждёт?

Там волшебник,
И сед, и стар,
Жить на свете уже устал.
Я в избушку его
Постучусь,
Колдовать у него
Научусь,
И глаза тебе, лес,
Развяжу,
Царство сонное
Разбужу.

Выпью капли росы с листа,
Поцелую царевну в уста,
И завистникам на беду
За собой её
Уведу...

А пока это всё –
Впереди.
Заблуди меня, лес,
Заблуди!

Россия

Мне сегодня опять не спится.
Убаюкивая луну,
Вяжет ночь голубыми спицами
Тонколунную пелену.
А во мне,

удивлённое словно
распахнувшейся высотой,
О России негромкое слово
Прорезается белой звездой.
Мама, мама моя, Россия,
Молодая старушка моя,
Ты меня на руках носила,
О высоком

мечту тая.

Ты была моим первым учителем,
Ты несла мне последний хлеб...
Я любви твоей не учитывал
По наивности детских лет.
Лишь позднее,

окрепшим и сильным,
научился я понимать,
что такое любовь России,
что такое Россия-мать.
Вспоминаю тебя озабоченной,
Устремившейся на восток,
Шла ты беженкой по обочинам
Раскалённых войной дорог.
Начиналась ты будто заново,
Вся во гневе стальных годов,
И плескалось в зрчках твоих

зареве

Польхающих городов.

Ты в дыму,
до победного выстрела,

Половодьем ломая льды,
Напряглась –
 и сурово выстояла
На ветру мировой беды.
Но в глазах, глубоко запавших,
В загустевшей их синеве,
Тихо маялась боль за павших,
За потерянных сыновей.
Отпевали их крутокронные
Поседелые тополя...
И лежали, как похоронные,
Нераспаханные поля.
А сегодня
Поля распаханы
И обласканы солнцем поля,
Подпирая небо папахами,
Встали новые тополя.
В них упругая дышит сила.
Это сила твоя, Земля,
Это сила твоя, Россия,
Значит, это сила моя.

Мальчики – свидетели войны

Матери моей

Память, память,
Ты порой нелепа.
Помню:
Я – малыш, а рядом мать.
Мне бы корку маленькую хлеба,
Только где её теперь достать?!

Мать.
В её глазах и боль, и жалость,
И губа закушена слегка.
Ласково к щеке моей прижалась
Дрогнувшая матери рука.

– Потерпи, сынок... – шептали губы.
«Потерпи...» - я помню и теперь.
И голодный,

 сжав до боли зубы,
Я учился медленно
 терпеть.

Дни крутые были у эпохи,
Мы выросли, днями дорожа,
Мы росли, и нас боялись боги,
За седыми тучами дрожа.

Мы росли и оставляли парты –
Мальчики – свидетели войны,
И учились не у школьной парты
Обживать безбрежье целины.
Белый ветер бил в лицо упруго,
Жизнь учила в битвах не сдавать,
Дорожить всегда заботой друга,
Золотом оценивать слова.

Мы росли, мужая, как Россия,
В нас любовь светилась и текла,
Нас на гибких крыльях выносила
Сила материнского тепла.
Может, потому я часто вижу
Это:

я – малыш, а рядом – мать...
И чем дальше те года, тем ближе,
Тем больнее их припоминать.

Память, память,
Ты порой тревожно
Бьёшь по нервам, бешено скользя.
Позабить иное невозможно,
Потому что забывать нельзя.

Вокзалы

Опять людьми заполненные залы.
Я новой встрече, как мальчишка, рад,
И каждый раз знакомые вокзалы
Меня встречают, словно в первый раз.

Здесь миллионы непохожих судеб,
Одежд и лиц...

И, суетой гоним,
Уже не замечаю я, по сути,
Как постепенно привыкаю к ним.

Сердца решают тонкие задачи,
Приходят и уходят поезда...
Кому опять мигает на удачу
Летящая над рельсами звезда?

Гудят, как ульи, великаны-залы,
И здесь меня встречает жизнь сама.
Вокзалы, гомонящие вокзалы,
Читаю вас, как новые тома.

Белый бег

От снега – белое сияние,
А от полозьев – тонкий скрип,
Как будто слышен за санями
Испуганный девичий вскрик.

Берёзы в инее красуются,
Спокойный свет по облакам,
А кони весело несутся,
Кося зрачками по бокам.

И всё забыто,
Всё забыто.
Перед глазами только снег.
Да в сталь обутые копыта,
Да русской молодости смех.

А ну-ка, гикни у опушки, –
Так, чтобы небо – пополам,
Как отдалённый голос пушки,
Ударит эхо по стволам.

И вдруг рассыплется бесследно,
Сверкнёт за ёлками узор,
И солнце медленно и медно
Покатится за горизонт.

О, белый бег копыт и ветра,
О, хлёткость веток у лица!
И на четыре километра –
Деревьев тесных улица.

И снова кони мчатся полем,
За ними вихрится снежок,
А на щеках, как после боя, –
Мороза русского ожог.

Белое бессмертие берёз

Я был давно.
Ещё я долго буду,
Пока стоит единственная Русь,
Готовая к величию, как к бунту,
Заученная сердцем наизусть.
Я русский пахарь,
Сеятель и воин.
В глазах моих –
Синь неба и воды,
Да бешено-немая жажда воли
С пророчеством неведомой беды.
По мне идут столетия и бури,
Их боль ложится солью на виски,
Татарами изрубленный в куски,
Я поднимаюсь вновь,
От горя бурый.
Меня чужие дико топчут кони,
И вороны клюют мои глаза,
Но я встаю уверенно-спокойный,
Иных столетий слыша голоса.
Я – Русь.
Встаю и падаю,
И снова встаю!
И на губах горит полынь.
Я – Русь. Её начало и основа,
Её полей опора и теплынь.
Я был убит на поле Куликовом,
Но вновь восстал.
И в Бородинский бой
По старым и неписаным законам
Закрывл Россию горькую собой.
Я – Русь.
И отступают вражьи орды.
И так всегда
В пожарах новых гроз:
Не гибну я,
А прорастаю гордо,
Как белое бессмертие берёз.

Девочка играла на рояле,
Как роса, прозрачна и ясна,
За плечами девочки стояла
Розовое утро и весна...

Девушка играла на рояле,
Трепетали яблони листвою.
Пальцы вдохновенные роняли
В синий август звуков торжество...

На рояле женщина играла,
Потряса музыкой умы,
А в ресницах осень догорала
В долгом свете медленной зимы.

Ты уехала,
ты уехала,
ты уехала
навсегда.

Только эхо
во след тебе
эхало
Да позванивали провода.

Ночь глядит на тебя
пугающе,
Звёзды сахарные грызёт...
Что сулит тебе убегающий,
Неразгаданный горизонт?
Может, радости,
может, горести,
Может, ласковую звезду
Или песню любви и гордости,
Устремлённую в высоту?

За дорогами, за отрогами,
За порогами рек и дней
Кедры стройные и нестрогие
Смотрят в книгу судьбы твоей.
Что им видится,
что им хочется
В свете падающем луны?
Рельсы сходятся и расходятся –
Две натянутые струны.
А Земля,
а Земля качается,
будто палуба корабля.
Ей не спится
и не скучается –
От работы гудит Земля.

И зовёт тебя –
 слышишь, слышишь?
Всё зовёт тебя и зовёт,
И мечты,
 эти добрые лыжи,
В ночь
 уносят тебя
 вперёд.

Г.Л.

Ты ревнуешь меня
То к осени,
То к девчонкам, совсем чужим.
И с тобой мы порою косвенны,
Как испевшиеся чижи.
Только видишь,
 я таю, таю,
Словно утренняя метель,
И опять от тебя улетаю,
Чтобы снова к тебе
Прилететь.
Чтобы тронуть рукой твои волосы
И коснуться губами лица,
И услышать певучесть голоса,
И сомнения отрицать...
Я люблю твоих глаз озарение.
Ты умеешь тепло излучать,
Если даже в глазах
 подозрение,
Если даже в ресницах
 печаль.
Ты ревнуешь меня.
А без ревности –
И любовь – абсолютный нуль...
Ревновали влюблённые в древности –
Ты сегодня меня
 ревнуй.

На реке разбирают мосты,
Значит, скоро опять ледоход.
Солнце радуется с высоты,
На реке разбирают мосты.

Голубые осели снега.
Им осталось недолго лежать.
По разбуженным берегам
Голубые осели снега.

Это ты на другом берегу
Мне приветливо машешь рукой.
Слышишь первых ручьёв перегуд –
Это ты на другом берегу.

На деревьях горланят грачи –
Черномазые птицы полей.
Лёгкость перьев роняя в ручьи,
На деревьях горланят грачи.

Что они беспокойно кричат?
Непонятен мне птичий язык.
Я спрошу у знакомых девчат:
Что грачи беспокойно кричат?

Только ты не ревнуй, не ревнуй,
Я же твой на любом берегу.
Ты напрасно себя не волнуй
И меня ни к кому не ревнуй.

На реке разбирают мосты.

Крути, зима, маши!
Иду Орлом заснеженным
По улицам, заслеженным
Шинами машин.

До утренней зари
Над белыми деревьями
Волшебниками древними
Колдуют фонари.
И сам я, как колдун,
По городу вечернему
По снежному свечению
Задумчиво иду.

А улицы пусты,
И над водой закованной
Большие и знакомые
Задумались мосты.
Свистящая зима...
Ни солнца и ни месяца.
Но светятся, но светятся
Громадами дома,
Как будто корабли,
Идущие в грядущее
Сквозь ветер, в мачты бьющий,
От вспененной земли.

Глубина сердца

Мы измеряем звёзды и Луну,
И океанов чёрные глубины...
А кто измерил
Сердца глубину,
Его высот горящие рубины?

В него легко вмещаются миры
С пожарами великих потрясений,
И мужество,
И зрелые дары
Земли –
Планеты горя и веселий.

И не измерить сердца глубину,
Его неизлечимой страсти странствий,
Как не объять ничем голубизну,
Свободно растворённую в пространстве.

Море

Волна – к волне,
К волне – волна.
Она волнения полна,
И чайка,
Вольная вполне,
Крылами ластится к волне.
А волны
Медленно-привольны,
На солнце светятся они.
На берег
Море катит волны.
Так время катит
Наши дни.
Стою у белого прибоя
И вижу вновь перед собой,
Как дышит море голубое
И шумно пенится прибой.
Рождает буйная стихия
Удары бешено-глухие.
Взлетают брызги у лица,
А волнам нет и нет конца...
К волне – волна,
Волна – к волне,
И море плещется во мне.

В нас плещет море.
 Это море – детство,
С волнами сказок, с берегами снов,
И от него нам никуда не деться,
Как не уйти от мыслей и от слов.
Там чайки
 острокрылыми мечтами
Летят искать в тумане острова,
Там ходят затаёнными местами
Серебряными рыбками слова.
Там
 в свете зорь малиновых купаясь,
Попутным ветром, как надеждой, полн,
Навстречу солнцу уплывает парус
На синих спинах белогривых волн...
И светом давним хочется согреться,
Увидеть снова огненный рассвет
И гибко бросив тело в море – детство,
Уплыть свободно парусу вослед.

Памяти отца

Не вернуться
Без вести пропавшие,
Не увидят сыновья отцов.
Матери
С глазами позапавшими
К ним на грудь
Не упадут лицом.

Будут ливни,
Будут листья падать
Точно так,
Как много лет назад.
Будет вдов измученная память
Вспоминать
Далёкие глаза.

Будут сны, туманно оседая,
В глубине мерцать,
Как первый снег...
И однажды
Женщина седая
Закричит
Испуганно во сне.

Ей приснится:
В переплеске молний
Муж её расстрелянный лежит.
А над ним
 зловеце и безмолвно
Чертят небо чёрные стрижи...

Равновесие

А что такое
Равновесие?
Смеётся кто-то,
А мне невесело.
Один ворчит,
Другой печалится,
Один молчит,
Другой печатается.

Свои у каждого
Надежды теплятся,
Свои у каждого
Дороги стелятся,
Но в каждом сердце,
Как созвездия,
Чуть-чуть качаются
Равновесия.

Зима под крышами
Хрусталь развесила –
В природе тоже ведь –
Равновесие.
Тепло и холодно,
Светло и сумрачно.
И равновесие
У прохожих в сумочках.

Они несут их
Легко и бережно.
А где-то
Рвутся снаряды бешено,
А где-то
Кровью земля удобрена,
И смерть качается,
Напившись допьяна...

Слова послушные,
Меня послушайте,
Вы мне послужите ещё,
Послужите.
Я вас беру,
На ладонях взвешиваю
И на палитре бумаги
Смешиваю.

Но если песней
Взорвусь вдруг весь я –
Во мне обрушится
Равновесие.

Музыка

Ты послушай, как плачет ветер,
Будто он хоронит кого-то...
То не ветер, то в лёгком свете
В зале плещется голос гавота.
В нём и горе, и ночи качание...
И людей
 даже в мыслях повысило.
И отчаянное молчание
Напряженьем в зале повисло.
Голос бьётся,
 зовёт и аукает,
А со мною такое творится!
Весь готов расплескаться звуками
И в мелодии раствориться.

Лошадь

Припомнилось само собою:
Упала лошадь у реки,
Наполнились горячей болью
Её кричащие зрачки.

А возчик бил её упрямо,
Кнутом безжалостно хлестал,
И полосы ложились прямо
На рыжем крупе у хвоста.

И лошадь вздрагивала коротко,
Слегка от инея седа,
Под ней подтаивала корка
Копытом тронутого льда.

Мне так хотелось крикнуть: «Стойте!»
И злость катилась напоказ:
«Ведь вы не стоите, не стоите
Её больших молящих глаз...»

Но тут какой-то парень в кепке,
Глазами дерзкими сверкнув,
Рукой уверенной и крепкой
Перехватил взлетевший кнут:

– Шалишь, хозяин. Ты не смеешь!
Тихонько ахнула толпа,
Перехлестнулись взгляды смело –
И кнут отброшенный упал.

Всего мгновенье трепетала
В глазах у возчика гроза.
Но, сплюнув, он вздохнул устало
И в сторону отвёл глаза.

А после вместе поднимали
Мы лошадь старую. А я
Завидовал, что этот малый
Смелее и добрей меня.

Ложь,
Она как будто к горлу нож.
Можно говорить друг другу
Лесть,
Можно человеку в душу
Влезть,
Ели даже это будет
Ложь.
Только ложь, ты никого не трожь,
А не то пойдёт по сердцу дрожь,
И тогда
Разгневанно дрожа,
В воздухе скрестятся два ножа:
Правды нож
И лжи кривой клинок,
Тот,
Который упадёт у ног.

Прощание с летом

Лето русское, прости,
Что люблю я больше осень.
Мне по осени нести
Снежность зим и нежность вёсен.

Мне по осени гореть
Околдованно и долго,
Словно клёну на горе
За Окой или за Волгой.

Мне в прохладе золотой
Слушать шорохи и звуки...
Но куда же ты? Постой! –
Я протягиваю руки.

Слышишь, лето, погоди,
Не спеши по бездорожью.
Ночь немая впереди
Пахнет влагою и рожью.

По оврагам бродит жуть,
Дико прячется от солнца...
Хочешь, лето, провожу
Я тебя до горизонта?

Душе скучающей в угоду
(Вези, поэзия, не жди!)
Пишу про серую погоду,
Про долговязые дожди.
Они идут по крышам властно,
Однообразием дразня.
На сердце пасмурно и влажно,
Как будто старые друзья
Меня оставили навечно
В унылой, слякотной глуши,
Как будто временем намечена
Такая песня для души.
Вдали дороги зачернило,
А я пишу себе, пишу,
И молчаливые чернила
Сдружить с бумагою спешу,
Душе скучающей в угоду,
В угоду долгому дождю...
Я даже в эту непогоду
Кого-то неизменно жду.

Первый снег

Земля ждала его,
 как ждут
Любимые своих любимых,
Когда в назначенное время
Те не приходят на свиданье.
И он явился – белый маг,
Волшебник, чистый первоначально,
Большой и добрый,
Словно свет,
Свободно пролитый на землю.
Его ловили на лету
Смеющихся девчонок губы,
И он от тёплой встречи таял
И на губах, и на ресницах.
Он был весом и невесом,
Как будто откровенье сердца.
Доверчивый,
Как с детских лет
Доверчивыми мы бываем.

Из книги
«Высокие деревья»
(1968)

Высокие деревья

По нраву мне
Высокие деревья.
Их чёрных сучьев
Острые углы.
Когда земля,
Как белое поверье,
Отзеленев,
Выходит из игры.
Но в глубине корней
Таится сила,
Грозь прорваться
К солнечным лучам...
Стоят деревья гордо и красиво,
О новых днях
Мечтая по ночам.
И облаков вершинами касаясь,
Они-то знают мужества удел.
В них бродит гулко
Новой жизни завязь,
Им песни века ветер нагудел.
Их высота
Мне с каждым днём роднее,
При встрече с ними
Радостны глаза.
Высоким быть –
Тревожней и труднее:
Разит высоких первыми гроза.
Вот почему растёт во мне доверье
К деревьям тем,
С которыми расту...

Не умирают гордые деревья,
А гибнут,
Покидая высоту.

Этюд

А почему цветы молчат,
Когда на них легко опустится
И начинает их качать
Седая бабочка-капустница?

Забыты ими все слова,
Им словно не о чем печалиться.
Вокруг качается трава,
И вся земля вокруг качается.
И небо призрачно звенит
Своей прозрачностью медлительной.
Кого любить,
Кого винить
За сон случайно-удивительный?

И для чего теперь слова
И даже ветра дуновение,
Когда кружится голова
От промелькнувшего мгновения.

Гроза сгущается над миром.
Уже вдали грохочет гром,
И плачет женщина о милом,
Который не вернётся в дом.
А может скоро, очень скоро
И ты заплачешь обо мне.
В бою, наткнувшись на осколок,
Я упаду среди камней.
Тебе напишут: «Пал героем...»
Тебе расскажут: «Был бойцом...»
Застонешь ты бессильным горем
С перекосившимся лицом.
Кому-то просто единица,
Кому-то просто рядовой,
Тебе я долго буду сниться
До волоска родной и твой.
Тебе я буду всё влюблённым,
Всё буду нежно-молодым.
Но под моим любимым клёном
Развеемся мечтаний дым.
И только в памяти печальной
Останусь я с тобой вдвоём,
Да фотокарточкой случайной
В альбоме стареньком твоём.
И жить ты будешь до мгновенья
Желанной встречи у дверей.
Но это будет повторенье
Судьбы отцов и матерей.

Такое моё ремесло,
Профессия, как по заказу.
В закат окунаю весло
И тихо плыву по закату.
Вы спрашиваете – «Куда?».
Вы лучше спросите – «Далёко?».
А сзади круги, как года,
А сзади вода, как дорога.
Ни всплеска, ни шороха волн.
Я сам себе молод и волен,
Я сам себе мыслями полн
И этим, пожалуй, доволен.
Пльви, моя лодка, вперёд,
Лови ускользящий берег.
Где новое утро встаёт
В берёзах, торжественно белых,
Где слышу друзей голоса,
Где вдруг над заботами мира
Восходят любимой глаза
И смотрят задумчиво мимо.
Я в них не увижу себя
И вздрогну в предчувствии страшном,
И прошлое нежно любя,
Всё буду скорбеть о вчерашнем.
И выйду на берег земной,
Подумав, что жизнь виновата,
И вздрагивать будет за мной
Тревожное море заката.

Память

Его друзья вернулись по домам,
Или в земле лежат на веки вечные.
А он ещё шагает по холмам,
Ему ещё глотать туманы млечные.

Никто не скажет – жив или убит,
Ему такая участь в жизни выпала.
А женщина усталая скорбит –
Ещё не всё большое горе выпила.

Уже давно окончена война,
Но нет его, в боях полмира спасшего,
Всё ждёт солдата женщина одна,
Всё ждёт солдата,
Без вести пропавшего.

Движение

Может быть, давно заметил ты –
Каждый день нам новизной не страшен.
Жадно ловим мы его черты,
Становясь чуть-чуть мудрей и старше.

Жизнь на ощупь кажется тонка,
Только в каждой тонкости разборчивы,
Мы горим, – поэты и рабочие,
У штурвала или у станка.

День опять прошёл. И ночь черна,
Но в груди горит огонь азарта...
Я уже не тот, что был вчера,
Но ещё не тот, что буду завтра.

Актриса

Она играла.
Как она играла!
Как будто не играла, а жила,
И не было в глазах её ни грана
Холодной фальши.
Были два крыла.
Они её несли и возносили,
Они ей доверяли, как себе,
И это даже не было насильем, –
Была любовь у женщины в судьбе...
Играй, актриса,
Зрители оценят.
Гори, актриса, чтобы не сгореть.

Она жила и плакала на сцене,
Но только не умела
Умереть.

Творчество

Печаль моя вечерняя,
Начальная печаль.
От лунного свечения
Квадратная печать.
Кого я жду доверчиво,
Кого так долго жду
От вечера до вечера,
Как первую звезду?
И сердце громко мается,
Что лодка на волне, –
То гордо поднимается,
То падает во мне.
И мысли перепутаны,
И выцвели слова.
Чего ты ждёшь, беспутная,
Шальная голова?
Не славу ли, не песни ли?
А песня не нова.
И шепчут губы пресные
Пресные слова.
Но сквозь земные шорохи
Мелодия растёт.
И плохо ль, хорошо ли,
Но зов её остёр.
Упрямо прорезается
Во мне и не во мне.
И сердце хитро зарится
На песню при луне.
И сердце жадно слушает,
Глазами поводя.
И слышит сердце лучшую
Мелодию дождя...
До белого каления,
Как будто из огня,
Моё стихотворение

Уходит от меня.
Идёт, как на параде –
Ни песня, ни звезда,
Уходит по параболе
Неведомо куда.
Со мной оно прощается,
Торжественно лучась...
И снова возвращается
Начальная печаль,
Печаль моя вечерняя.
Сквозь пелену пурги.
Я вижу вновь свечение
И слышу слов шаги.
Как будто я и Родина,
Одетая в шинель...
И новая мелодия
Восходит в тишине.

Страх начинается с сомнений,
Он нарастает, как обвал,
Сбивает грозно на колени
И убивает наповал.

Его расширенное око
Пронзает с головы до пят,
И слепнут голубые окна,
И сны зловещие скрипят.
Но есть победное движение:
Сгорают люди на кострах,
И уползает от сожженья
На хищных лапах липкий страх.

А есть оружие иное,
Оно уверенней вдвойне:
Людей и смертью и войною
Не запугаешь на войне.
И сердце – вечная бойница –
Готово выдержать бои.
Кто был в огне,
Тот не боится
В колючих звёздах раствориться
За убеждения свои.

Иду по звёздам,
Спотыкаюсь.
Слова роняю, как шаги.
Ни от чего не отрекаюсь,
Ни перед кем ни в чём не каюсь
В пыли космической пурги.
Иду по звёздам.
Пяткам колко.
А где пути тому конец?
Ступаю,
Словно по осколкам
Разбитых вечностью сердец.
Иду по звёздам,
Солнцем взорван,
Земля прощается вдали.
В моих руках пшеницы зёрна
И горсть обветренной земли.

Сергею Есенину

Опять они,
Знакомые места,
Я не бывал здесь, кажется,
Три года.
Бушует
Обновлённая природа.
Не веруя ни в чёрта,
Ни в Христа...

Какой покой!
Дорога за селом
Уходит на свиданье к горизонту.
Напоминая сердцу о былом,
Всё так же старый клён
Стремится к солнцу.

И тянется к чему-то всё,
Так я
С признательностью нежной
И поклоном
Всегда спешу
В родимые края,
Где я товарищ
Соловьям и клёнам.

Здесь и усталость
Кажется легка,
И воздух сам
Полезен для здоровья,
И у стогов
Зелёные бока
Знакомо пахнут
Молоком коровьим...

Пуškai мне скажут,
Что не так пою,
Что до меня уже
Такое пелось,
Я не оставлю
Родину мою,
Её колосьев
Солнечную спелость,
Её холмов возвышенность –
До звёзд,
И соловьёв,
От песен ошалелых,
Её по-детски утренних берёз
Как Русь сама,
Задумчивых и белых...

А изменю –
Хотя бы каплям рос,
Гоните,
Как последнюю дворнягу.
Из этой вот земли
Я сам пророс.
И в эту землю,
Удивлённый, лягу.

По вечерам
Ко мне приходит музыка
И наполняет комнату
Спокойными,
Доверчивыми звуками
Рассвета.
Я слушаю её,
Прикрыв глаза,
И вижу лес,
Запутанные тропы
И человека,
Медленно идущего.
Он – это я.
Вершинами светясь,
Большие клёны говорят мне:
«Здравствуй».
Кукушка мне
Считает годы жизни,
Ещё совсем нетронутые мной.
А я иду по запахам,
По травам
Какой-то весь прозрачный и открытый,
Один
И не один с моими думами.
У ног моих качаются ромашки,
А надо мной
Высокий жаворонок
Настраивает
Голос одинокий,
Отточенный
На солнечных лучах.
Звенит рассвет.
И звон его живой,
В мелодию сливаясь,
Возвышает.
Но вдруг –
Конец.
Немая пустота.
Кончается
Любимая пластинка.

Лето

Я городской,
А мне опять
Деревья снятся
И покосы,
Да дружный выводок опят
Под солнцем августа
Раскосым.

Я городской,
А даль меня
Зовёт дорожным непокоем
Туда,
Где на закате дня
Поют девчата за рекою,
Где гул комбайнов по утрам
Хлебов тугую спелость будит,
И запахи нагретых трав
Врываются
В горячность буден.

Там дышит свежестью река,
И сеном пахнет луговина.
И ветерок издалека
Дымком повеет из овина.
Там дождь купает лопухи
Наперекор слепому зною,
И бродят по садам стихи,
Ещё не встреченные мною...
Там хорошо вдыхать зерна
Литую зрелость у штурвала,
Работать жадно дотемна
И спать на вышке сеновала.

Без чёрной мысли
Захожу в твой дом
И в перстне яда не тая упрямо,
Порывом чистой верности ведом
В твои глаза смотрю
Светло и прямо.

Во мне к тебе
Ни зависти, ни зла.
Не Моцарт ты,
Я вовсе не Сальери...

Меня к тебе
Тревога занесла, –
И вот я вновь,
Взволнованный, у двери.

Но разве ты
Не слышал ничего?
Далёкий гул
Великого скандала...
Сальери жив.
История его
Как будто бы сегодня
Оправдала.
Сальери жив!

Видать, не одинок.
Ещё не гений
И уже не гений,
Во сне он видит лавровый венок
И слышит марш
Несозданных творений.

Но реквием
Восходит к небесам,
Торжественный,
Высокий
И печальный,
Звучит знакомым эхом по лесам,
Как выстрел,
Одинокий и случайный...

Я ухожу.
Скрипит прощально дверь.
Я тихо повторяю из-за двери:
– Дружьям всегда
И неизменно верь,
Но берегись
Сальери.

Синица

Позвени, пожалуйста, синица,
О зиме знакомо позвени
И тогда лети, куда летится,
А меня за просьбу извини.

Я ведь сам могу звенеть не хуже.
Ты не удивляйся, я не лгу.
Я и сам ведь до всего досужий,
А иначе, видно, не могу.

Только мне сегодня что-то грустно.
То ли снег наваял эту грусть.
То ли потому, что в поле пусто,
И продрог рябины голый куст.

Пусть ему июньский дождь приснится
И земли душистое тепло...
Что же ты, весёлая синица,
Не звенишь, а прячешься в дупло?

Ты не бойся
Ни зимой, ни летом,
Хочешь, я подальше отойду?
Выходи на сцену хрупких веток
И звени у леса на виду.

Будто белым высверком зарница,
Не ударит бешено курок.
Ты спокойна, юркая синица,
Ты молчишь.
Спасибо за урок.

Ухожу я, как и ты, без песни,
Продолжай свой утренний облёт.
Что же делать,
Что же делать, если
По заказу сердце не поёт.

В небе чистом,
Как будто голеньком,
Осень каждую
Тысячи лет
Гуси-лебеди треугольником
Улетают за летом вслед.

Гуси-лебеди,
Гуси-лебеди,
Птицы-странники,
С давних пор
В их знакомом и милом лепете
Слышу я неумолчный спор.

Но желанную цель преследуя,
Не замрут они вдруг,
Осев.
Улетают они,
Не ведая,
Что вернутся сюда не все.

И рябина,
Ветрами завитая,
Песню грусти боясь спугнуть,
Сожалея,
А не завидуя,
Провожает их в долгий путь.

Над пустынными огородами
Не понять ей теперь и впредь,
Как же можно
Прожить без Родины.
И без Родины умереть.

Наверно, это очень трудно –
Всё бросить к чёрту и уехать
Куда-нибудь на дикий Север,
Где бродят белые медведи,
Где до костей земля промёрзла,
Где человеческая дружба
Своей суровостью
Нежна.
Скажи, а ты не побоишься
Однажды вспыхнуть
И решиться
Махнуть туда из тёплых комнат,
Навстречу снегу и бурану,
Навстречу вздыбленным торосам,
Где человеку помощь друга,
Как хлеб голодному,
Нужна.
А мне всё чаще снятся волны,
Крутые волны океана
В их удивительном набеге
На берег, белый от прибоя,
На скалы, скованные вечно
В оскале каменной защиты
От грозной ярости воды.
Непостоянство нашей жизни,
Оно всегда куда-то манит,
Как будто нет иного счастья,
Чем быть в дороге бесконечно.
И весь наш путь –
Есть труд и поиск,
Великий поиск постоянства.
Уходим мы.
Но остаются
За нами трудные следы.

Снег

Январь задумчиво колдует,
Усердствуя, не отдохнёт.
То синим холодом подует,
То снегом бережно дохнёт.

А снег на солнце белый-белый.
Белее утренних берёз,
Как будто ласково запели,
А где поют, не разберёшь.

В нём что-то есть от русских песен,
От их прозрачной глубины,
В нём что-то есть от грустных писем
И от серебряной луны.

Когда идёт он на рассвете
И засыпает санный след,
Белее снега что на свете?
Белее снега только свет.

А снег загадочно теснится...
В столице и под сенью слег
Какому русскому не снится
Хотя бы раз
Пушистый снег!

Портрет

Рисую,
Словно истину пишу.
И некуда спешить.
А я спешу.
За красоту
Ты многое отдашь.
Колдует над бумагой карандаш,
И проступают
Лёгкие черты,
И на меня с бумаги
Смотришь ты.
Рисунок мой,
Наивный, как восторг.
В твоих глазах
И запад и восток,
В твоей улыбке
Нежность и порыв,
Но до поры,
Конечно, до поры...
Рисую,
Словно истину пишу,
Ни перед кем на свете
Не грешу.
Рисую,
Как с тобою говорю,
Как будто чудо новое творю.
За окнами –
Холодный свет луны.
И тучи,
Как седые валуны...
А утром
Голубой прольётся свет
На твой недорисованный
Портрет.

Звёзды

На чёрном небе
Капли света
Мерцают красками высот.
Гулёна-ветер
Запах лета
С полей над речкою несёт.

Опять размеренно и тихо
Ведёт мелодию сверчок,
И чутко дремлет аистиха,
И ночь прохладой течёт.

А утром
На упругость веток,
На стебли трав
И на овсы
Падут незримо капли света
И станут каплями росы.

Возраст

С годами
Мы и опытней, и старше.
Уже в нас не влюблённость,
А любовь.
И целый мир
Как будто шире ставший,
Несётся по орбите голубой.

Уже мы ошибаемся всё реже,
А если ошибаемся –
Скорбим.
И наша мысль
Настойчивее режет
Напластанные мудрости глубин.

Нам голос друга
Более понятен
И мил,
Чем в проскакавшие года,
Так на реке от золотистых пятен
Становится прозрачнее вода.

И день
Уже не кажется обузой,
Которая прошла –
И с плеч долой.
И вечер пахнет
Свежестью арбузной,
И снегом пахнет
Месяц молодой.

А я люблю слова на «О»:
Ока,
 околица,
 окно,
Огонь,
 овеянный,
 а вот
уже летит свободный овод,
Осенний лист,
Осенний холод,
и ветра рябь на глади вод...
Едва приметною тропой
Олень идёт на водопой.
Набрав спокойно высоту,
Орёл крылами небо чертит –
он презирает голос смерти,
её холодную черту...
Округлых слов живой овал,
их мир меня околдовал.
В них «О» –
как точка высоты,
в них «О» –
начало и основа.
Скажу –
 колечком золотым
покатится по свету
слово.

Женщина
Расчёсывает волосы,
В зеркало блестящее глядит.
Света перепутанные полосы
На её волнуются груди.
Отчего же полосы волнуются?
Вся она в стекле отражена,
И стеной закрытая от улицы,
Грудь её почти обнажена...
Тишина.

Ни звука и ни голоса,
В неширокой комнате одна
Влажные расчёсывает волосы
Женщина у белого окна.
Почему же так неосторожно?
Даже занавесок не свела,
Словно так сегодня и положено,
Если красотою расцвела.
И ложатся волосы богатством
На живую обнажённость плеч
Для кого-то золотистым царством,
Для кого-то,
Как по сердцу плетъ.
Красоты
Нечаянный свидетель
Отрываю грешные глаза.

Так уходят от соблазна дети
И глядят с надеждою назад.
Но теперь, не сожалея вовсе,
Что тогда в окно не постучал,
По плечам распущенные волосы
Вижу в свете белого луча.

Сквозь метели белые и ливни
Я её поныне узнаю –
Полубогажённую, без имени,
Незнакомку давнюю свою.
Чья она жена или невеста?
Кто её ласкает по ночам?
Почему глядит во тьму невесело,
Волосы рассыпав по плечам?

А возможно, даже не печалюсь,
В той же узкой комнате одна
Синими глазами излучает
Нежность беспокойную она.
Женщина расчёсывает волосы,
Словно пряжу медленно прядёт.
Тишина.
Ни звука и ни голоса.
И никто, наверно, не придёт.

Иду по гулкому проулку,
Ловлю капли перелив,
Я просто вышел на прогулку,
В себе себя определив.

Мне просто нравятся капли,
Ладонь шершавая земли.
Своё сугробы отскрипели,
Своё метели отмели.

Теперь на улицах иное,
Сползает с крыш последний снег.
И пахнут улицы весной,
И люди ходят по весне.

И улыбаются чему-то,
Чему-то каждый своему.
Ручьи закручивают круто
В лучах осевшую зиму.

Она медведицей косматой
Уже не ходит, не ворчит...
Сосульки свесились клыкато,
Но в них нацелены лучи,

Лучи пронзительного солнца, –
Неисчислима эта рать.
А щепка по ручью несётся,
Зиму оставив умирать.

За ней бежит вприпрыжку мальчик,
Сосёт сосульки леденец...
По лужам скачет солнца мячик,
Как этот рыжий сорванец...

Я ухожу в зелёные леса,
В мир ландышей и голубого света,
Где по ветвям стреляют голоса
Высокой песней будущего лета.

Здесь утренние запахи весны
Особенно понятны и знакомы,
И проступают в красках новизны
Природы неотступные законы.

Здесь дышат влажно ёлка и трава
И снежностью пропитанная свежесть,
Здесь у весны особые права
На красоту и солнечную нежность.

Из туч плеснёт угрюмая гроза, –
И снова солнцем высота лучится...
Я ухожу в зелёные леса
И мастерству, и нежности учиться.

Из книги
«Русская равнина»
(1970)

Над Русской равниной
Нависли дожди,
Холодные струи
Гуляют по травам.
Как будто не видя
Пути впереди,
То справа налево,
То слева направо.

Но только прорвутся
Сквозь тучи лучи,
Но только засветятся
Солнцами лужи,
Ты сразу увидишь,
Как мир излучил
Огромную радугу
Из полукружий.

Ты сразу заметишь
Улыбчивый день,
Ему ты ответишь
Улыбкой радушной,
Из туч уползающих
Скучная тень
Покажется вдруг
И пустой,
И ненужной.

Моим учителям

Вы научили многому меня,
Любить людей,
Любить стихи и травы,
Вы, как жрецы у мудрого огня,
Не жаждали ни денег и ни славы.

Учителя, я понимаю вас,
Теперь, когда прошли над нами годы,
Я вижу, и поныне не угас
Во мне огонь, зажжённый от природы.

Теперь и я кого-то научу,
Теперь и я подам кому-то руку
И добрый взгляд в награду получу
За скромную и нужную науку.

Так на земле идёт из века в век,
Так в океан всегда впадают реки.
Другому человеку человек
Себя частицу отдаёт навеки.

Он отдаёт и, значит, не умрёт,
А вечно будет продолжаться в новом
И постепенно двигаться вперёд
Огнём души и даже просто словом.

Есть улица – Зелёный берег,
Не здесь ли я когда-то жил,
Не здесь ли сам в себя поверил
И верой этой дорожил?

Вот старый дом,
Знакомый тополь,
Зелёных грядок череда
И запах пряный от укропа,
И голубая лебеда.

Всё та же улица, всё та же:
Дома, канавки и трава,
И у калиток люди вяжут
Всё те же давние слова
О том, что кто-то в люди вышел,
Что кто-то ест отцовский хлеб...
Лишь тополь мой
Взметнулся выше,
Разросся буйно и окреп.
Ах, тополь, тополь,
Я-то помню,
Ты тонок был и хрупок был.
Дай в памяти тебя восполню,
Неужто ты меня забыл?

Конечно, годы пролетели,
Я изменился, как и ты,
Дожди и снежные метели
Изгладили мои следы,
Но снова я пришёл с приветом
К тебе, мой тополь,
К вам, дома.
Здесь для меня особым светом
Жива поэзия сама.

И потому при этой встрече
Я тихо-тихо говорю:
За светлый час, за летний вечер,
За всё
Я вас благодарю.

Весёлая слобода

Знать, весёлые люди
Живут в слободе,
Если всю слободу
Называют Весёлой.
Словно здесь не бывать
Ни тоске, ни беде,
Словно здесь поселились
Одни новосёлы.
Я по улицам здешним
Неспешно хожу
И смотрю на дома,
И смотрю на прохожих.
Будто здесь я родился,
Со всеми дружу
И не ведаю дней никогда непогожих.
Интересно мне видеть,
Как строят дома,
Как хозяйки
Копаются по огородам,
Интересно бродить,
Если даже зима,
Интересно встречаться
С весёлым народом.
Знать, весёлые люди
Живут в слободе,
Если всю слободу
Называют Весёлой.
Вот старик у крыльца
Прячет смех в бороде.
Вот звенит детвора
Голосами за школой.
Я весёлый твой нрав
Узнаю, слобода.
Если строится дом,
Значит, быть новоселью.

Пусть в домах твоих улиц
Уже никогда
Не иссохнет любовь,
Не иссякнет веселье.

А красота бывает разная.
Она, как радуга, пестра.
Она зелёная
И красная,
И цвету синему – сестра.

Она с тобой повсюду рядом,
Но разгадать не всем дано –
Меняет красота наряды,
А сердце и у ней
Одно.

Над городом
Ворочается гром.
Ворчит старик
Раскатисто и грозно,
Как будто ожил вдруг
Ракетодром,
Взрываясь трудно
Грохотом морозным.

Тяжёлых туч
Угрюмая орда
На землю пролилась
Холодным шумом,
И понеслась с шипением вода,
Мешая грязь,
Моим мешая думам.

Слепое буйство ветра и воды,
И неба простудившегося кашель.
Всё слабое,
Как грязные следы,
Смывается легко
Природой нашей.
А сильное крепит судьбу свою,
Оно всю тяжесть дикую
Осилит,
И лишь падёт
В решающем бою,
Простреленное молнией навьлет.

За город,
Вновь к воде и травам,
К цветам
В алмазинках росы,
Где не нужна слепая слава
В зелёном пламени красы.

Там у живой излучки лета,
Как у излучины реки.
Вольнее ветер,
Больше света
И горизонты широки.

Там шевелятся солнца пятна,
И свежесть наполняет грудь.
Лесной ручей
Журчит невнятно,
Бежит себе куда-нибудь.

И ты идёшь,
И ты внимаешь,
И хочешь в сердце уберечь
И, принимая,
Понимаешь
Своей земли
Простую речь.

Холмы и речки меж холмами.
Да перелесков лёгкий шум.
Сюда под снегом, под громами
Всегда я издали спешу.

Как будто нет иного места
И на земле покоя нет,
Как будто ждёт меня невеста
В краю зелёном тыщу лет.

Здесь август зелению клубится,
А ветер тихо может петь.
Здесь город мой
В полёт стремится –
Никак не может улететь.

Всё кажется обыкновенно,
А вот уеду, и опять
Захочется вдруг непременно
Увидеть это и понять:

И старый сад,
И вечер летний,
И матери моей глаза...
Горю тоской тысячелетней.
Спешу упрямо на вокзал.

И с нежностью к родному краю
Уже не раз, уже не два,
Опять и снова повторяю
Незамутнённые слова:
Покуда жизнь моя продлится,
Покуда в силах буду я,
Останется моей столицей
Она – провинция моя.

Слышу всхрапы коней
И удары мечей о кольчуги,
Слышу клич боевой
У кровавой Непрядвы-реки.
Это бьются за Русь
Русобровые, крепкие друзья,
Это ворога рубят
Точёные наши клинки.
Чёрный ворон кричит,
Предвещая кому-то победу.
Пращур раненый мой
Тяжело на колено привстал,
Удивился, как чуду,
Травы молодому побегу,
Рухнул наземь опять
И навеки дышать перестал.
И остались одни
Молодая жена и два сына,
И осталась земля,
За которую жизнь положил,
Да берёза, седая, как мать,
У зелёного тына,
Да река,
Над которой орлёнок кружил.
Сыновья подрастут.
Значит, есть на кого положиться,
Значит, Русь не иссякнет,
А будет в бессмертии жить.
Не орлятам – орлам
Над глубоким покоем кружиться
И за землю свою
В трудный час
Гордо крылья сложить.

Рокочет небо реактивно,
Расколот мир на острова.
Дождь льётся радиоактивный
И жухнет нежная трава.

Мой век, стремительно летящий,
Меня пугает, мне грозит,
Тень гибели моей всё чаще
В его движении сквозит.

Но мне обещана удача,
Но мне завещан этот мир.
Зачем же и смеясь, и плача,
В мой дом врывается эфир,

Со свистом, скрежетом и громом,
С шипеньем жалящей змеи.
И перехватчики над домом
Перехватили сны мои,

Как будто я ничто, не значу,
Как будто я совсем один.
В мою любовь, в мою удачу
Нацелен отблеск синих льдин,

Не правы те, кто верит слепо,
Что в век двадцатый никогда
Не упадёт на землю небо
И не исчезнут города.

Но правы те, кто голос гневный
Вздывают, как высокий суд.
Они спасут и свет полдневный,
И мир от гибели спасут.

Орёл

Прости, Москва,
Что покидаю вновь
Твои неутомонные кварталы.
Так путники порой
Уходят в ночь
Под говор улиц,
Тихий и картавый.

Какая же незримая звезда,
Какая неотступная идея
Уводит их в иные города,
Поступками и мыслями владея?

То – голос малой родины.
Огнём
Живёт он в нас,
Пока мы сами живы.
Мы проверяем помыслы на нём
Те, что чисты всегда
И те, что лживы.

Мне снится белый город по ночам,
На нём ещё лежит печать столетий.
Смотрел он гневно в лица палачам
То бело-зимний,
То зелёно-летний.
В него летела чёрная стрела,
В него плевали пулями пищали,
Ему рубили гордые крыла –
За непокорность
Злобу вымещали.
Но всем врагам
И всем смертям назло,
Пройдя сурово грозное пекло,
Проверенный жестоко на излом,
Восстал он снова
Из руин и пепла...

Сегодня у него иная стать
И высота под звёздами иная.
Он любит жизнь свою
Перелистать,
Былые дни легко припоминая.
И я люблю
Вечернею порой
Читать его истории страницы
И над землёю,
От росы сырой,
Ловить июля беглые зарницы.

Мой город молод,
Но тревожно мудро.
Он эту мудрость наживал веками,
И сёла нежно тянутся к нему
Доверчивыми
Добрыми руками.
Теперь он снова
В солнечном цвету,
В зелёном шуме
Вспененного лета,
И ночь над ним высокую звезду
Не гасит от заката до рассвета.

Здесь мило всё мне:
Соловьиный шёлк
И всплеск Оки,
Где спят мой дед
И ворог...
Прости, Москва,
Мы встретимся ещё.
Прости.
Меня зовёт крылатый город.

Моя земля

Лежу, не поднимая головы.
Моя земля –
Зелёные владенья.
Вот муравей по стебельку травы
Взобрался в небо,
Не боясь паденья.

Вот воробей –
Взъерошенный комок,
В пыли нагретой бодро чистит перья.
Вот МИГа реактивного громок
Ушёл с аэродрома за деревья...

Моя земля.
Знакомы мне на ней
И даль полей,
И сена запах мятный...
Вдали она дороже и родней,
Вблизи она подробней и понятней.

Уже не кукует кукушка,
Уже не поёт соловей,
В осеннем молчанье опушка
Задумалась думой своей.

Мне грустно и чуточку странно,
Что листья слетают с ветвей,
Что ветер легко и пространно
Купается в жёлтой листве.

И всё же я радуюсь шуму
Осенних лесов и полей
И думаю светлую думу
О жизни недолгой моей.

Люблю я и осень и лето,
Приемлю и радость и грусть
Как тихую песню поэта,
Как ветки надломленной хруст.

Мастер

Валентину Чухаркину

Из глыбы камня проступают вдруг
Глаза вприщур,
Овалы скул и плечи...
И вот уже по воле щедрых рук
Мне видится характер человеческий.
Морщинки мыслей паутиной лет
Легли на лоб, крутой и непокорный,
И целой жизни выстраданный след
Пролёг у рта бороздкой беспокойной.
Мне кажется, что камень задышал,
Задвигались глаза помолодело,
И ожила бунтарская душа,
Готовая на праздник и на дело.
Какой волшебник это совершил,
Какая сила двигала руками,
Которые взметнули до вершин
Обыкновенный и холодный камень?
Название той силы – мастерство.
Оно заполнит всё, что в мире пусто.
А без него холодно и мертво
Любое вдохновенное искусство.

Не знаю, кто где упадёт
И обо что свой лоб остудит,
Но знаю –
Кончится полёт,
И время всем судьёю будет.
Всему есть в жизни свой черёд:
Любить, надеяться, смеяться
И с одиночеством смиряться,
Когда оно к тебе придёт,
И умирать –
Держать ответ
За всё, что сделано за годы,
Которых нет уже, как нет
Ни радости и ни заботы.
Но перед смертью страха нет.
В часы труда и вдохновенья,
Выплёскивая людям свет,
Боюсь не смерти,
А забвенья.

И начинается работа.
Так начинается урок,
Так в чёрный бой идёт пехота
За безымянный бугорок.

Начало есть, а продолженье
К тебе придёт само собой,
Ведь важно выиграть сраженье,
Когда идёшь в кромешный бой.

И продолжается работа,
Как будто катится «ура»,
Как будто поднятая рота
Смелей сегодня, чем вчера.

Незримая земная сила
Тебя выносит на простор,
Как Русь на подвиг выносила
Сынов своих с далёких пор.

Но кончен бой, как песня спета.
Теперь пора, как и вчера,
Считать победы до рассвета,
Считать потери до утра.

Июнь

Зовёт в леса зелёная земля,
Зовёт в луга зелёная планета
Гудением мохнатого шмеля,
Дыханием разлапистого лета.

Иду в леса, где шорохи и тень,
Где трав хитросплетения живые,
А на опушке, как сторожевые,
Стоят дубки и караулят день.

Иду в луга, где сонные цветы
Головками задумчиво качают.
Они меня, росистые, встречают
Неяркими глазами красоты.

Иду к реке, где синяя вода
Большое небо чётко отражает.
Она меня умыться приглашает,
Стереть следы заботы и труда...

Иду в июнь.
Распахнут горизонт,
Волнуется зелёная планета.
И высота прозрачная несёт
Слепящий диск разбуженного лета.

Другу

Среди лета, кустами поросшего,
А быть может,
Среди зимы,
Всё, что есть у меня хорошего,
Ты на память себе возьми.
Ты возьми
И черту характера,
И негромкие строки стихов,
Я выписывал их старательно
В ночи долгие
До петухов.
Пригодятся любые мелочи,
Их и времени не смолоть:
Горсть весёлости,
Горстка смелости
И доверчивости ломоть.
Даже слово,
Случайно брошенное,
Даже нежная тяга к полям...
Всё, что есть у меня хорошего,
Поделю с тобой пополам.
Ты возьми,
Сбереги до старости,
Не растрчивай по годам.
Но любовь моя
Пусть останется –
Я тебе её не отдам.

Вот и лето на исходе,
Над рекой туман белёс.
Нынче солнце позже всходит,
Раньше прячется за лес.

Небо тучами покрыто.
Наступают холода.
У дверей моих в корыто
Хлещет синяя вода.

Грома выстраданный выстрел
В сизом небе рокотнул.
И пошёл дрожать по листьям
Отдалённый этот гул.

Но плеснула вдруг лучисто
Солнечная красота,
И торжественно, и чисто
Задышала высота.

Словно вешнее начало
Над полями ожило.
Словно небо обещало
Нам июньское тепло.

Мне мил земли осенней неуют.
Не потому ли дни холодной хмури,
Когда деревья будто перед бурей
Знакомых песен лета не поют,
Когда река усталая продрогла
И ловит жадно
 солнца каждый луч,
Когда глядит безлюдная дорога
Остекленевшими глазами луж,
Когда ночами спится и не спится –
Под лунный свет,
 под медленную цветь,
И память, как разбуженная птица,
В далёкое
 стремится улететь.

Живёт во мне стихотворенье,
Как отблеск утренней мечты:
«Я помню чудное мгновенье, –
Передо мной явилась ты...»

Мы все заучивали это,
И я запомнил наизусть
Живую музыку поэта,
Живую пушкинскую грусть.

Как будто ветра дуновенье,
Над нами веют вновь и вновь,
И божество, и вдохновенье,
И грусть, и слёзы, и любовь...

И я готов услышать снова
И в сердце до конца сберечь
Живое пушкинское слово,
Живую пушкинскую речь.

От метели до метели,
Посреди самой зимы
По крутой лыжне летели
Мы.

А кругом была Россия,
И звенел под нами наст.
Время, время уносило
Нас.

Справа – лес, деревья – слева,
Небо чистое до дна.
И была ты королева
Дня.

И сменялись, и сменялись
Повороты на лыжне,
И глаза твои смеялись
Мне.

Только белый день не вечен
И не вечен белый наст,
И крылом ударил ветер
В нас.

Затуманилась над нами
Одинокая звезда.
Говорила ты глазами:
– Да!

Словно руки развязала,
Словно выплеснула свет...
Только тихо вдруг сказала:
– Нет.

И вокруг погасли краски,
И ушла ты от меня
Королевою из сказки
Дня.

Но я вижу, но я слышу:
Посреди самой зимы
Ты и лыжи, я и лыжи –
Мы.

От метели до метели
Только мы с тобой одни.
Невозвратно облетели
Дни –

Безголосы, невесомы,
На снегу оставив след.
Только память – на засовы
Лет.

Тени

Мне мир теней с рожденья непонятен,
Хочу постичь его, как тайну слов.
Живёт и шевелится сгусток пятен,
Кругов,
Квадратов,
Линий и углов...
Там тень орла ударила крылами,
А там легла на землю тень сосны...
И тени у домов и за стволами
Бесцветные,
Бесплотные, как сны.
То резкие,
То мягкие в расплыве,
Они меня преследуют везде.
Стою я над рекою на обрыве
И тень моя качается в воде.
Она моим желаниям послушна,
Она моим движениям верна,
Но вся она холодна и бездушна.
Не любит и не чувствует она.
Как мы, живут и умирают тени,
Лишь контурно похожие на нас,
Ложатся отпечатками на стены
Или искусно прячутся от глаз.
Привычные, они нам служат честно,
На свет и мрак огромный мир деля,
Но если вдруг они с земли исчезнут, –
Осиротеет круглая земля.

На зло я отвечаю злом,
На доброту – добром отвечу.
Колючий взгляд,
Бровей излом
Всегда, как истину, отмечу.
Тот, кто ни «против» и ни «за»,
Лица и силы не имеет.
Зачем он шепчет за глаза
Про то, чего не разумеет?
Не для того ли, чтобы стать
Своих друзей намного выше?
Держи свою красу и статью,
Коль выступать на сцену вышел.
А если честь к тому же есть,
Оставь излишнюю сноровку.
Держи податливую честь,
Как воин на войне винтовку.
Ведь я на зло отвечу злом,
На доброту добром отвечу,
Но если постучишь в мой дом –
К тебе я выбегу на встречу.

Дарю тебе на дружбу
Бежин луг,
Дворянское гнездо
Даю в придачу...
Прими подарок мой,
Далёкий друг,
Как принимаешь радость и удачу.
Они твои
До листика берёз,
Они твои
До камушка у речки...
Из рук моих сегодня ты берёшь
И шорох лип,
И сладкий запах гречки...
Идём со мной.
Тебя я поведу
В зелёный край,
Где плещутся зарницы,
Чтоб мог и ты,
Хотя бы раз в году
Тургеневскому дубу
Поклониться.

Всё тоньше отношусь к словам,
Всё больше доверяю делу.
Чужое счастье не сломав,
Я рад и своему уделу.
Я рад и бледным небесам,
Раскинутым по кронам сосен,
И околдованным лесам,
В которых заблудилась осень.
Но жизнь права, и смерть права,
Я не прошу у них отсрочки,
Беру по голосу слова
И перекладываю в строчки.
А строчкам жить иль умереть,
А строчкам тем парить иль падать.
У них один удел – гореть,
Воспламенять людскую память.
Вот почему, как островам,
Я рад и своему уделу,
Всё тоньше отношусь к словам,
Всё больше доверяю делу.

Гроза

Опять синоптики ошиблись,
Пророча ясность и тепло.
В тяжёлом небе тучи сшиблись,
И с неба шумно потекло.
На громобойной колеснице
По тверди мчит Илья Пророк.
Но это первая страница,
Что называется – пролог.
А дальше – молнии и грохот,
А дальше – туч тупой обвал,
Как будто чей-то страшный хохот
Разит их в небе наповал.
Удар!
Ещё удар,
И снова
Раскатывается удар,
Как будто рушится основа
Союза света и труда,
Как будто падает на скалы
Клинком расколота синь,
Мильоновольтные оскалы
Грозят спокойствию осин.
Но буйство грозное стихает,
И потеряв былую власть,
Вода усталая стекает,
Собою наигравшись власть.
В ней замерли повадки тигра,
В ней – солнца утренний призыв...
И всё опять светло и тихо,
Как будто не было грозы.

Встреча

Вдали торжественно и медленно
Закат весенний угасал,
И красота, ничем не мереная,
Струилась в добрые глаза.
И пела тоненькая девочка,
Звенела высоко струной
Алёнушка, а может Верочка,
Случайно встреченная мной.
Я долго слушал, незамеченный,
Нехитрой песенки слова,
И голос детства – голос вечный,
Иное сердцу рисовал.
Мне виделась другая девочка.
Осталась в памяти она,
Рыжеволосая, как белочка,
И тихая, как тишина.
Она меня приворожила
И за собою повела,
Как будто к сердцу приложила
Незримых добрых два весла,
И я поплыл светло и бережно,
Роняя капель синеву.
Она вослед смотрела с берега
И радовалась, что плыву.
Давно всё это тихо кануло.
Но каждый раз,
Но каждый раз
Мне видится оттенок комеди
Её неотчуждённых глаз...
Стояла у причала девочка,
О том не зная ничего,
Рыжеволосая, как белочка,
Как та –
Из детства моего.

От проходной завода
До окна,
В котором свет мой
Допоздна лучится,
Иду пешком,
И ранняя луна
За облаками
Трусит, как волчица.

Люблю идти по городу
Пешком,
Забыв усталость,
Улыбаться людям,
Хрустеть морозным, ветреным снежком,
Который мы по-русски
Очень любим.

В минуты эти
Улицы чисты.
Округлость фонарей – над головами,
И крыши –
Как бумажные листы,
Ещё не испещрённые словами.
Знакомы мне
И первый поворот,
И старичок седой с коляской детской,
Скамейка у распахнутых ворот,
И женщина за тонкой занавеской...

Вот и окно
И мой старинный дом
С черёмухой,
Развеянной у входа.
А утром снова я пойду пешком
В обратный путь
До моего завода.

Раньше всех просыпаются дворники,
Тротуары метёлками трут.
Но, пожалуй, и в век электроники
Не заменят их утренний труд.

И метут они улицы города,
И сгребают усохшую грязь
И в часы леденящие холода,
И в зелёную вешнюю вязь.

Голубыми, как небо, рассветами
Заедает их вечная грязь.
Между ними и между поэтами
Задуманная видится связь.

Потому что поэты, как дворники,
Тоже бьются за солнечный быт,
Вот поэтому в век электроники
И поэтам, и дворникам – быть.

Человек

Я – Человек,
и тем уже велик,
Лечу на скакуне большого века.
Живу, как совесть времени велит,
Как мне диктует разум человека.
Я – Человек,
рабочий и боец,
Гляжу вперёд торжественно и просто.
Истории и музыки творец,
Уверенно взлетающий под звёзды.
Я – коммунист
с руками кузнеца,
С лицом, открытым радостям и бедам,
Готовый от рожденья до конца
Отдать себя
невиданным победам...
Грядущее
рождается в печях
То кораблём,
то караваем хлеба...
Я – Человек,
и на моих плечах
Судьба земли
покоится, как небо.

Из книги
«*Движение*»
(1974)

Движение

Все движется,
Вращается Земля,
Бежит вода,
Шумит в деревьях ветер,
И бег коня,
И звонкий лёт шмеля
Подчинены движению на свете.

Нет без движенья жизни на земле,
Как нет её без воздуха и света,
Как нет листвы трепещущей
Без лета,
Как нет росы холодной на золе.

Движенье дней
Стремительно вперёд,
Планет и мыслей вечное движенье –
Не мертвое природы отраженье,
А жизни неоконченный полет.

По жилам кровь пульсирует во мне,
А в небе –
Быстрых ласточек круженье...
И в грохоте ракет,
И в тишине –
Везде и всюду
Властвует движенье.

Через поля
Дорога за селом
Уходит на свиданье к горизонту.
Напоминая сердцу о былом,
Всё так же старый клен
Стремится к солнцу.
Все тянется к чему-то.
Так и я
С признательностью нежной
И поклоном
Всегда спешу
В родимые края,
К моим знакомым
Соловьям и клёнам.
Здесь
И усталость кажется легка,
И высока звезда над изголовьем,
И у стогов зелёные бока
Знакомо пахнут
Молоком коровьим.

Яблоки

Зреют яблоки, соком полнятся;
Но в пахучую пору эту
Мне другие яблоки помнятся
И совсем другое лето.
Берегами, заросшими рощами,
Весь в пыли и поту от похода
По разбитым дорогам Орловщины
Август шёл сорок третьего года.
У людей же улыбки радушные,
Будто нет ни разрухи, ни голода.
Площадь шумно людьми запружена,
Словно вышло с цветами лето,
И встречает сегодня дружно
Русских воинов гулом приветов.
Я стоял возле матери смирно,
От рассвета ёжился зябко...
Вдруг
Солдат в гимнастёрке застиранной
Протянул мне
Два спелых яблока.
Были яблоки крутобокие.
И, взглянув на весёлые лица,
Тот солдат улыбнулся и, окая,
Мне:
– Возьми. Отобрал у фрица.
Мне как будто сказать было нечего.
Я стоял и молчал, как рыба.
Только к матери жался застенчиво
И совсем забыл про «спасибо»...
Годы скачут, как белые лошади.
Я теперь вспоминаю часто,
Как тогда на гудящей площади
Ел я сочные яблоки счастья.

Кого я другом назову

Кого я другом назову,
Кому до дна открою душу,
Пред кем во сне и наяву
Немую клятву не нарушу?

Бывает, встрепенёшься вдруг,
Вокруг посмотришь зрелым взглядом –
Нет никого, и только друг
Стоит один с тобою рядом.

Понятный сложностью своей
И простотой понятный тоже,
Чем откровенней, тем родней,
Чем веселее, тем моложе.

Мой дом остался за холмами,
Среди сиреневых кустов,
Под ливнями и под громами,
Как в одиночестве пустом.
А я ушел из дома в горы.
Вернусь иль нет – не знаю сам.
Меня всё приближают годы
К моим прозрачным небесам.
Мне видно ясно и подробно
Мое скрипучее крыльцо,
Забор, поставленный неровно,
Усталой матери лицо.
Я узнаю окно слепое,
Под ним — черемуху мою.
А дальше сад,
А дальше поле
Я нежно-нежно узнаю,
Но ухожу всё выше в горы
Всем нежностям наперекор,
Хотя оттенком непогоды —
В глазах у матери укор.

Луна, очерченная строго,
Взошла, огромна и кругла,
Как будто вышла на дорогу
Из-за туманного угла.

В деревьях задремали птицы,
Не шелхнётся тёмный лист.
Порой замрёт и повторится
Тревожный полусонный свист.

Как будто позовёт на помощь
Высокий голос из глуши.
И снова медленная полночь
Течёт спокойствием в тиши.

Светила тайная звезда,
Загадкою маня,
Но не вернуть мне никогда
Потерянного дня.

Не сетуя на свой удел,
На жизненный венец,
Соединить бы я хотел
Начало и конец.

Последний снег.
В его прощальном хрусте
Мне песня лебединая слышна.

Твои глаза,
Как две большие грусти,
И в них плывёт,
Качается весна.

Зачем грустить?
Всё в жизни повторится:
И этот снег,
И расставаний боль,
Но лишь, как сон,
Блуждающий в ресницах,
Не повторится
Первая любовь.

Начало

Опять иду по улицам Орла,
Как будто годы долгие итожа.
Вот здесь когда-то девочка жила,
Не на неё ли дочь моя похожа?
Вот старый домик смотрит в два окна,
Над ним грустит черёмуха-старуха.
Вхожу во двор знакомый.

Тишина

повисла, непривычная для слуха.

И этот домик обречён на снос,
Уже растёт громада этажами,
И лает на неё охрипший пёс,
Не понимая, что случилось с нами.

Иная жизнь, другие времена,
Но улица от зелени кудлата.
Натянуты до звона стремяна
У времени,
летящего куда-то.

По улицам Орла опять иду,
По переулкам памяти плутая,
И слышится мне в городском саду
Из юности
мелодия простая.

Послушаю.
Немного постою,
Припомнив танцевальную площадку
И юность неуклюжую свою,
И в армию вокзальную посадку,
И от реки осенний холодок,
Который время вечное умчало...
Привет тебе, Рабочий городок,
Моё полузабытое начало!

Я по весенним улицам хожу.
Меня не остановит ветер влажный.
Привет тебе, Рабочий городок,
Окраинный и весь одноэтажный!
Расходятся, как по воде круги,
То летний жар, то зимняя острада.
Вот здесь я делал первые шаги,
И память начинается отсюда.

Волнения от встречи не унять.
Светло моё высокое жилище,
Но память возвращается опять
На старое родное пепелище.

У памяти и времени в плену,
Как боем опалённые солдаты,
Живём,
как будто чувствуем вину
За то, в чём никогда не виноваты.

Город моей судьбы

На реке Оке да на Орлике
Вырос город моей судьбы.
Переулки его и дворики
В свете утреннем голубы.

Деревянный да белокаменный
В изумрудном кольце садов.
Только память его с окалиной
От пожаров былых годов.

Помнят липы его да акации,
Помнят люди его сполна
Время страшное «оккупация»,
Слово проклятое «война».

И тянулись, как вечность, месяцы,
И стучали шаги сильней
По ступеням железной лестницы
Раскалённых ночей и дней.

Город мой, до глубин израненный,
Исковерканный до венца,
Содрогнулся на зорьке ранней
От истерзанного лица.

Но прошли-прошумели месяцы,
И теперь, через много лет,
По ступеням зелёной лестницы
Снова льётся небесный свет.

И горит, как огонь содружества,
Ярче многих других огней
Пламя стойкости, пламя мужества,
Пламя памяти грозных дней.

Дни осени моей светлы
От солнца и берез.
Пора завязывать в узлы
Всё то, что перенёс,

Всё то, что пережил один
В суровой смене лет,
Под шум берёз, под шум рябин,
Под звёзды и рассвет.

Пора под этот листопад
Подумать о себе
И, глядя пристально назад,
Не плакать о судьбе.

Вытряхивает небо тучи –
На землю белый пух летит.
Молчат сады,
Уснули кручи
Умолк нестройный шум раки.
Деревья зимние недвижны,
Недвижны реки и пруды,
И слушают сквозь дрему вишни
Остекленелый звон воды.
А небо тихо пухом сорит,
Как будто тучу с тучей ссорит.

Последние дни уходящего года,
Короткий закат уходящего дня,
И снова неяркие краски восхода
На доброе дело торопят меня.

Назад оглянуться и в завтра взглядеться,
О прошлом сегодня ничуть не скорбя,
И рядом услышать биение сердца
Любимой,
которая любит тебя.

Под утро утихнет метель-непогода,
Но что же тревожно волнуют меня
Последние дни уходящего года
И первые песни
грядущего дня?

В плену у времени и дела
И я дойду до своего
Незнаменитого предела,
Где не увижу ничего.
Останутся земля и небо,
И роща белая вдали,
И запах утреннего хлеба,
И над полями журавли –
Широкий мир, который вечен
В кругу земного бытия,
Зеленый день и синий вечер,
И даль знакомая моя,
И эта песня над холмами,
Летящая из старины,
Как память нежная о маме
С порывом собственной вины,
И жизни вечная основа,
На свет рожденная в тиши,
И недосказанное слово
Когда-то трепетной души.

Стынет в синем холоде река,
Журавли над рощей отжурчали.
Старая дорога нелегка,
Но трудней, которая вначале.
Прошное
 поземка замела,
Но легко от утреннего света.
Песенка пропетая мила,
Но милей, которая не спета.
Содрогнётся от удара твердь.
Каждый выстрел грозен и опасен.
Пуля пролетевшая — не смерть.
Та страшней,
 которая в запасе.

Родина

Я её представить не могу
Без ольхи на окском берегу
И без тихой песни за селом
С лебединым ласковым крылом;
Без могилы павшего отца...
Родина – и садик у крыльца,
Родина – и дождик у лица.
Нет ей ни начала, ни конца.

Работа

Пускай над нами властвует работа,
Своим дыханьем согревая нас,
Её неукротимая свобода
Пускай горит
В глубинах наших глаз.
И я хочу
В горячем ритме дела
Сегодня
От начала до конца,
Чтоб в нас
Работа добрая гудела,
Как в нас гудят
Рабочие сердца.
Но почему же
Мы порой теряем
Часы и дни,
Которых не вернуть,
Что облаками белыми
Над краем
В неведомые дали
Держат путь?
И многое не сделано,
Не спето,
Не найдены
Хорошие слова,
Когда от вдохновения и света
Кружится и
Пылает голова.

Мне говорил мой первый мастер:
– Перед работой не робей,
Она хотя и чёрной масти –
Чиста отдачею своей.

Всё было ясно.
Понемногу
Я набирался сил и креп.
И мать сказала:
– Слава богу,
Не даром ешь насущный хлеб.

Уже настали солнечные годы,
Приходит ясной зрелости пора.
Чем ярче день, тем голубее воды,
Тем больше в жизни света и добра.

Пора и нам задуматься о прежнем,
Чтоб в будущее пристальней взглянуть,
И в океане шумном и безбрежном
Продолжить наш незавершённый путь.

Но вдруг
На повороте встрепенуться
И осознать до глубины души,
Что не вернуть уже и не вернуться,
Как ни желай
И как ты ни спеша.

И только путь останется единый
Неповторимый,
Как ты ни крути,
Туда, где и морщины, и седины
Поведают о прожитом пути.

Журналисты

Начинается песня с порога,
А у песни простые слова —
Навсегда журналист и дорога
Неразлучны, как свет и трава.

День завьюженный,
Вечер ли мгlistый,
Или зной опалает лицо,
Но идут по земле журналисты
С откровенностью чистой бойцов.

Их на крыльях несут самолёты,
Их по рельсам везут поезда,
И над ними, как символ работы,
В пять лучей полыхает звезда.

Далеко их увозят попутки
В марты синие и сентябри.
И летят окрылённые сутки,
Словно красные птицы зари.

Отпылят полевые дороги,
Откричат перепёлки в овсе...
А потом обнажённые строки
На газетной взойдут полосе.
И опять от родного порога,
Где светла молодая звезда,
Их зовёт полевая дорога,
Их зовут далеко поезда.

Уеду поездом вечерним,
Про то никто не будет знать.
И ты в мерцающем свеченье
Меня назад не станешь звать.
На полустанке тихом выйду
И под высокую звезду
Проходим, неприметным с виду,
Домой к обходчику пойду.
Обходчик, кряжистый и старый,
Меня узнает и поймёт
И скажет медленно - устало:
– Ну, что же, братец,
Жизнь — не мёд. —
И улыбнётся откровенно,
Как бы сомнение гоня:
– Природа – лекарь,
Это верно,
Живи куда у меня... —
И буду жить я, век в достатке,
Среди ромашек и садов
На этом тихом полустанке,
Вдали от шумных городов,
Пока однажды голос дома
Не позовёт за горизонт,
И поезд утренний знакомо
Меня обратно увезёт.

Дочери

С нежностью отцовскою не слажу,
Доченьку Алёнушку мою
Тихо но головушке поглажу,
Ласковую песню напою.

Многого еще не понимая,
Ты смеёшься далям за рекой,
Каждый звук на веру принимая,
Каждый цветик трогая рукой.

Ты иди по жизни без опаски.
Доброты и ласки не тая,
Русая Алёнушка из сказки,
Песня ясноглазая моя.

Вырастай и сильной, и красивой,
Времени и Родине под стать,
Чтобы вместе с русою Россией
Головой до солнышка достать.

Давних дней
Бумажные кораблики
Далеко уплыли в синеву.
Лет моих сиреневые яблоки
Падают в зелёную траву.

Не вернуть корабликов бумажных,
Яблок тех в траве не отыскать.
Но еще горит на листьях влажных
Молодости чистая печать.

Но ещё поётся и шагается,
И звенит упруго жизни нить.
В сердце песня добрая слагается,
Значит, рано голову клонить.

Значит, рано под весенний вечер
Подводить решительно итог.
Как листок, я на земле не вечен,
И просвечен солнцем, как листок.

Слышу, как свистят за речкой зяблики.
Вижу не во сне, а наяву –
Лет моих сиреневые яблоки
Падают в зелёную траву.

Слышится песня мне
Русского поля:
Выпала матери
Трудная доля.
Что же у матери
Нынче осталось? –
Доброе сердце
Да тихая старость,
Память о сыне
Да горечь утрат,
Что пробуждает
Её по утрам.
Но подрастают уж
Внуковы дети.
Жить им
На этом взволнованном свете,
Землю беречь им
И небо беречь,
Да продолжать
Нашу русскую речь.

Из книги
«Зелёный берег»
(1975)

В моём краю
Лугами пахнет небо,
И небом пахнет белая вода.
Не только солнцем и высоким хлебом
Моя земля сильна и молода.
Она сильна рабочими руками
И молода улыбками людей.
И над её просторными лугами
Трубят знакомо стаи лебедей.
Лежат холмы, как прожитые годы,
В них – кровь и крик,
В них – камни на золе...
Громадами тяжёлыми невзгоды
Ползли угрюмо по моей земле.
Вставала Русь
Разгневанной стеною
И гордо шла на чёрную грозу.
Мы отстояли дорогой ценою
Своей земли былинную красу.
Вот почему лугами пахнет небо
И небом пахнет белая вода.
Закат в Оку закидывает невод
И на деревьях сушит невода.
В садах от яблок ветки тяжело гнутся,
Вот-вот сорвутся яблоки в траву,
Ну а пока,
Пока они сорвутся,
Тебя в мой край Орловский
Я зову.
Я покажу тебе такие дали,
Такие затаённые места,
Где блещет голубым оттенком стали
Отточенная ветром высота.
Я покажу тебе Оку и Зушу,
Широкий мир
Российских деревень.

Иди в мой край разбуженный и слушай
Возвышенную песню перемен.
Здесь мне знакома каждая дорога,
И старое Дворянское гнездо,
И Бежин луг за берегом пологим,
И под седыми тополями дом.
Зелёный край!
Покой тебе и вечность.
Мне далеко отсюда не уйти.
Пусть над тобой течёт
Живая млечность
Намеренного Млечного пути.
Пусть будет для твоих полей
Нелепа
Любая боль и новая беда,
Пусть навсегда
Лугами пахнет небо,
И небом пахнет
Белая вода.

Упаду в траву,
В траве купаюсь,
В небо безначальное гляжу.
На земле живу и оступаюсь,
Словно спотыкаюсь о межу.
Вдруг
Среди забот, любви и мыслей
Будто бы почую наяву,
Что в прямом и в переносном смысле
Много жизней на земле живу.
Я живу за тех, кто не вернулся
С той, народу памятной, войны,
Кто в атаке яростной споткнулся
И упал в безбрежье тишины.
Может, под Орлом или под Курском,
Родину, любовь свою храня,
Падали солдаты в поле русском,
Помнили солдаты про меня,
Верили в победу и в Россию,
Падая в сожжённую траву,
Верили, что трудности осилю
И за них на свете доживу.
И сегодня, сквозь года и даты,
Смерти и забвению грозя,
На войне убитые солдаты
Заглянули памяти в глаза.
А она то далеко, то близко,
Мимо ни проехать, ни пройти,
Памятником, скромным обелиском
Встала у живущих на пути.
Я у обелиска не присяду,
Молча и взволнованно стою,
Словно павшим воинам присягу
В этот миг торжественно даю.

На скрещенье дорог, под раkitой,
На ветру –
Обелиск со звездой.
Здесь лежит в сорок первом убитый
Русочубый солдат молодой.
Не дождалась солдата невеста,
Не дождалась родимого мать.
Может, им до сих пор неизвестно,
Как солдату пришлось умирать,
Как упал он на тёплые травы –
День сиял в голубой высоте –
Как лежал он,
Суровый и правый,
От села на девятой версте.
Образ давний, знакомый и милый,
Прорастает, как в мае трава,
И листва над солдатской могилой
Задушевные шепчет слова.
Ветви тонкие тянутся к жизни,
Будто нам о погибших трубят.
Много их полегло по Отчизне, –
Молодых да красивых ребят.
Не вернуть эти жизни обратно,
Но в сердцах поколений иных
Им за подвиг великий их ратный
Будет
Вечная
Память
Живых.

Стареют войны ветераны.
У многих уже седина.
Их мучают старые раны,
Их память к войне сведена.

Им выпала доля иная,
Чем павшим в боях навсегда.
Им жить на земле, вспоминая
Ушедшие в песни года.

Устрой же, страна, переключку,
Пусть встанут они на Руси.
Истории свежей страничку
Хотя бы на миг воскреси.

И ты их увидишь во славе,
И внукам расскажешь о них,
Рождённых в Советской державе
Петрах и Иванах твоих.

Пусть многие больше не встанут,
Ни слова не произнесут,
Живые живых не обманут,
Присягу тебе принесут.

Пусть «мёртвые сраму не имут»,
Но те, кто остался в живых,
Над Родиной выше поднимут
Высокие помыслы их.

Есть в этом великая сила
И мужества чистая честь.
На том и стояла Россия,
Что ей продолжение есть.

Кто поздно уходит, кто рано,
Теряет Отчизна мужей.
Стареют войны ветераны,
Не сдав боевых рубежей.

Друзья рождаются не вдруг –
Сегодня нет, а завтра – куча.
Чем больше их, тем шире круг,
Тем безопасней жизни круча.

Я не имею сто рублей,
И сто друзей я не имею.
Быть может, я своих друзей
В толпе увидеть не умею?

Быть может, много их вокруг,
Прийти на помощь мне готовых?
Хотя я помню:
Старый друг
Дороже двух хороших новых.

Вот почему цену друзей,
Пусть молчаливых, да надёжных,
Пусть даже сложных, да не ложных
Сокрытой верностью своей.

Коле Алисову

Для меня отпылала солдатские зори,
Только память хранит, словно песню заветную,
И холодные ночи в осеннем дозоре,
И улыбки друзей, и побудку рассветную.

Нёс я в сердце своём чувство чести и долга
И не хныкал в минуты крутые и сложные,
И берёг, как умел, всё, что мило и дорого,
Пел с друзьями в пути наши песни дорожные.

Время крыльями бьёт, как незримая птица,
Ни на миг не сдержать, не замедлить движения...
Мне порой по ночам, как солдату, приснится:
Я стою на посту у берёз в окружении.

И листва надо мной озорная кружится
Золотыми часами летящего времени,
И глядят на меня земляки-сослуживцы,
Вспоминая свои города и деревни.

По Москве, по стране осень листьями сорит,
Скоро в инее ветви задумчиво свесятся...

Для меня отпылала солдатские зори,
Только память о них и мерцает, и светится.

Поклон вам,
Рабочие,
Пахари,
За то, что в сумятице дней
Вы жарким металлом пропахли
И хлебом российских полей.

За то, что в работе и отдыхе,
Сердцами прямы и чисты,
Как птицы в синеющем воздухе,
Не сдали своей высоты.

Поклон вам,
Усталые матери,
За труд
И за русскую речь,
За то, что заботой внимательной
Сумели тепло уберечь.

Поклон тебе,
Милая Родина,
За поле,
За шорох листа,
За то, что всегда благородна,
В работе, как в песне,
Чиста.

Отсчитывает время
жизни срок.
Чем больше лет,
тем молодость дороже.
Ах, если бы на двадцать лет моложе
мне быть сейчас...
Но времени порог
переступить обратно невозможно.
Есть жизни бег.
Понять его несложно,
но как постичь все трудности дорог?
Как разглядеть
желанный поворот,
где глянешь вдаль –
и не видать предела,
где ясность мысли,
словно ясность дела,
стоит и светит солнцем у ворот.
Но разве жизнь –
не продолжение света,
когда вперёд вращается планета,
всегда вперёд,
а не наоборот?

Мы думаем, что всё ещё начало,
И впереди у нас немало дел.
Но вдруг – конец?
И сердце отстучало,
И голос натолкнулся на предел?

А многое не сделано,
Не спето,
Не найдены хорошие слова,
Когда от вдохновения и света
Кружится и пылает голова.

Пусть над нами властвует работа,
Своим дыханием согревая нас,
Её неукротимая свобода
Пусть горит
В глубинах наших глаз.

И я хочу в горячем ритме дела
Сегодня
От начала до конца,
Чтоб в нас работа добрая гудела,
Как в нас гудят движением
Сердца.

По сути я – рабочий человек,
И этим горд,
Но что кричать об этом,
Когда в наш трудный
И тревожный век
Почётно быть
Рабочим и поэтом.

Я днём таскал на стройке кирпичи,
А по ночам писал стихи до света,
И первых строчек
Тёплые лучи
Во мне рождали медленно
Поэта.
Мне был завод и школой,
И отцом.
Теперь ему за то и благодарен.
И говорил мне мастер:
«Молодцом!»,
Когда я был в лирическом ударе.

К живому слову были неглухи
Рабочие,
С кем съел немало соли,
И нёс я к ним рождённые стихи,
Как первую получку и мозоли.
Меня завод растил и поднимал,
А в трудный час
Протягивал мне руку,
Я медленно, но крепко понимал
Работы чёрной мудрую науку.

И был в душе
Разлив весенних вод,
Когда рождались строки
После смены.

Я знал – мне муза не простит измены,
А вот простит ли мне её завод?
Но ритмы и работы и стихов
Мне были ритмом жизни
Бесконечной
Под лёгким лётном белых облаков,
Среди забот
Природы человеческой.

По сути – я рабочий человек,
И этим горд,
И этим озабочен,
Но в наш мятежный и суровый век
Тревожно быть
Поэтом и рабочим.

Уравновешенность души –
Хорошее, пожалуй, свойство,
Но сердце хочет беспокойства,
А не спокойствия в тиши.

Не умолчу о подлеце,
Уравновешенность отброшу.
Зачем носить такую ношу,
Как будто маску на лице.

И друг, который изменил,
Пусть прощенья не ищет,
В моём он сердце не отыщет
Того, что сердцем уронил.

Бунтуй, мой разум, и спеши,
Забудь про ласку и про холод.
Но вновь ко мне, как сон, приходит
Уравновешенность души.

Я городской,
А мне опять
Деревня снится и покосы,
Да рыжий выводок опят
Под солнцем августа раскосым.

Я городской,
А даль меня
Зовёт дорожным непокоем
Туда, где на закате дня
Поют девчата за рекою.

Там дышит свежестью трава,
И сеном пахнет луговина,
Как будто тихие слова
Мне шепчет Русская равнина.

Там дождь купает лопухи
Наперекор слепому зною,
И бродят по садам стихи,
Ещё не встреченные мною.

И листьев шум,
И посвист птицы
В зелёных ветках ивняка –
Всё светлой памятью хранится,
Как говор чистый родника.

Нам голос детства отзовётся
В разливе сёл и городов
То песней тихой у колодца,
То звоном дальних поездов.

Нам дорисовывает слово
Деревни, реки и кусты...
И вижу я в картине новой
Земные Родины черты.

И никуда от них не деться,
И никогда не позабыть,
Как никогда не наглядеться
На то, что выпало любить.

А я задумываюсь чаще
О том, что доброе во мне,
Как родничок, в лесу журчащий,
Пробьётся к свету по весне.

Он будет петь и долго длиться
Через дороги и сады.
Напьётся зверь,
Напьётся птица
Его живительной воды.

А он, весь из добра и света,
Не зная, что же есть покой,
В зените медленного лета
Сольётся с утренней рекой.

Полны водой моря и реки,
А в небе звезд — не угадать.
Веселой силой в человеке
Живет земная благодать.

Не ею ль я богат и полон,
Не потому ли я пою,
Что жизнь и молодость свою
Связал с высоким русским полем?

Когда уйду, придет другой
И тоже будет петь про поле,
Про колос звонкий и тугой,
Что наклонился над тропею.

Да будет жить в нем благодать
Земли моей веселой силой,
За что не будет жаль отдать
Любви, короткой и красивой.

Цветы

На них еще не высохла роса,
Еще качаться долго им до вечера,
И смотрят удивленные глаза
На мир лугов открыто и доверчиво.

Еще не знают нежные цветы,
Что будут ветры хлесткие и грозы,
Еще не знают, что у красоты
Природа легче выжимает слезы.

Долг

За жизнь мою,
За майские сады
Платили люди кровью на войне.

За каждый вздох
И за глоток воды
Я должен людям заплатить
Вдвойне.

А почему цветы молчат,
Когда на них легко опустится
И начинает их качать
Седая бабочка – капустница?

Забыты ими все слова.
Им словно не о чем печалиться.
Вокруг качается трава,
И вся земля вокруг качается.

И небо призрачно звенит
Своей прозрачностью медлительной
Кого любить,
Кого винить
За сон случайно-удивительный?

И для чего теперь слова
И даже ветра дуновение,
Когда кружится голова
От промелькнувшего мгновения.

Все оставалось, как и прежде,
Вставало солнце, таял снег,
И пробужденные надежды
Во мне звучали, словно смех.

И ты была, как Ярославна
Моих неумерших надежд,
Ходила солнечно и плавно
В парче сверкающих одежд.

Ты за собой меня манила,
А дням всё не было числа.
Ты тайну давнюю хранила,
По свету белому несла.

Но в мире слёз, любви и смеха
Я тайну эту разгадал,
И праздник моего успеха
По ветру унесли года.

Просохли слезы,
Смех растаял,
Но как и прежде, вновь и вновь,
Во мне, меня перерастая,
Живут надежда и любовь.

Мне имя твое накричали грачи
В деревьях апрельского сада,
Но я позабыл это имя в ночи —
Какая большая досада!

Мне имя твое нашептала трава
В зеленую пору покоса.
Но бились у сердца иные слова,
Как море у сердца матроса.

Когда же впервые увидел тебя,
Взошло над мечтами моими,
Как чистое майское солнце, слепя,
Твоё позабытое имя.

Ты узор старинный вышей
Тонкой ниткой мулине,
Чтобы небо стало выше
В синеватой пелене,
Чтобы изморозью веток
Постучал в окошко сад,
Чтобы детство строчкой меток
Позвало меня назад
В забытое, родное,
Невозвратное, как сон,
Где в окно мое резное
Катит солнце колесом...
Вышей мне речные волны,
Не сочти себе за труд,
Где над ними, света полны,
Гуси белые плывут,
А над ними чуть повыше,
Тоже цвета молока,
Пусть плывут (ты только вышей)
Молодые облака.
Будет чисто и красиво,
Вспыхнет радостью мой взор.
Я скажу тебе спасибо
За рисунок и узор.
Одарю тебя стихами,
Ты отдашь на память мне
Песню, спетую руками,
Тонкой ниткой мулине.

На румяном закате
Весеннего дня
Ты сказала,
Что годы меняют меня.

То не годы меняют,
Меняюсь я сам
От журчания речек
По русским лесам,
От земной теплоты,
От улыбки твоей,
Оттого, что поёт
По весне соловей...

Наши годы уходят,
Как в землю вода,
Наши годы гудят,
Как зимой провода.
Но, пожалуй, ты всё же
Немного права,
Я сегодня
Твои принимаю слова.
Годы тоже оставили
Маленький след.
Но куда же нам деться
От вёсен и лет?

Под окном твоим осыпалась сирень,
Что-то нежное напела мне свирель,
Что-то давнее напомнила она,
Колыхнулась в сердце теплая волна.
Ты надень сегодня платье посветлей.
Листья солнечные падают с ветвей.
Не шептаться им, не петь и не дрожать...
Мы пойдем с тобою лето провожать.
Мы пойдем с тобою там, где деревья,
Как наполненные светом терема,
Где в светлицах околдованных берёз
Грусть прозрачная не в шутку, а всерьёз.
Ты надень сегодня платье посветлей.
Листья солнечные падают с ветвей.
Наши годы соловьиные пройдут,
Словно листья золотистые падут.
Повторится всё сначала, и опять
Нас тогда другие листья ослепят.
Так и нам дано живое продолжать
И друг друга, словно листья, провожать.

Прости мне мои недостатки,
Достоинства тоже прости.
От первых остались остатки,
Вторым – зеленеть и расти.

Не надо, не надо, не надо
Ни старых упрёков, ни слов.
Неверие синей прохладой
Ресницы твои занесло.

Не надо, не надо, не надо
Смотреть на меня свысока.
Теперь и сама ты не рада
Прощальному звуку свистка.

С вагонной дощатой площадки
Прошу тебя, очень прошу:
Прости мне мои недостатки,
И я тебя тоже прошу.

На Родине моей опять апрель.
Уже в лесу листом запахло прелым,
И первой птицы
Утренняя трель
Светло перекликается с апрелем.
И ты меня, любимая, прости,
Что я тебя на время покидаю,
Но хочется из города уйти
Навстречу первым ландышам и маю.
И каждый год,
Как в детстве голубом,
В груди замрёт и что-то оборвётся,
Когда ударит в небе
Первый гром,
И первый лист на ветке
Встрепенётся.

Приветствую утро природы,
Его молодую красу
И шумные вешние воды,
И песню в прозрачном лесу.

Приветствую утро природы,
Его бесконечный разлив
И первые смелые всходы,
И нежность разбуженных нив.

Вчера колдовали метели,
Вокруг возводили дворцы,
А нынче грачи прилетели,
И следом за ними — скворцы.

А нынче под синью и солнцем,
Не этим ли и знаменит —
Незримым вдали колокольцем
Певец вдохновенно звенит.

Высоко-высоко на воле,
Ликует он, не оробев,
И слушает русское поле
Знакомый и чудный напев.

В лесу знакомом пропадаю,
Брожу, у дерева стою,
К ручью губами припадаю
И пью холодную струю.

Мой русский лес,
Приятель давний,
Товарищ всех моих утех,
Меня позвал твой голос дальний
На летний праздник и успех.

И я пришел на зов былинный
От всех ошибок и удач,
От шума города,
От линий
Высоковольтных передач.

Пришел к тебе, чтоб поклониться
Твоим деревьям и кустам,
Твоим нечитанным страницам
И незатоптанным местам.

Так мы приходим к дому детства,
Откуда начинался путь,
Чтоб отдохнуть и оглядеться,
И силы буйные вернуть.

Что есть любовь?
Желанье встречи,
Соединение сердец,
Иль крик души,
Иль просто речи,
Или свобода, наконец?
А робость,
Рабская вначале,
А смелость,
Дерзкая в конце,
А тень восторга и печали
На переменчивом лице,
А нежность,
Жаркая до дрожи,
А ревность,
Горькая до дна,
Когда желанней и дороже
Неповторимостью
Одна,
А боль мучительной разлуки,
А радость сладостная встреч,
Сомненья,
Музыка
И муки,
Которых нам не уберечь,
А может быть, –
Огня и света
Добро и зло
На все года?
Но если есть любовь всё это,
Что жизнь тогда?

В тот вечер музыка звучала
Пластинкой правила игла,
А ты улыбку излучала,
Сама себя не берегла,
Но звуки множили начало
И затопили берега
Моей души,
И было странно,
Что рядом ты, но далека.
Не так ли поздно или рано
Весной вскрывается река,
И льдины уплывают плавно,
Как в синем небе облака?

Зелёный май – улыбка года,
Иду по травам босиком.
И говорит со мной природа
Полузабытым языком.

Но слышится мне в этой речи
Весёлый свист и шум лесов,
Движение листвы и речек
И зов далеких голосов.

В переплетениях растений
От солнца чище и светлей,
Когда сквозят лесные тени
Полупрозрачностью ветвей.

Зеленый май – начало лета,
Когда волнение в груди,
И много дум,
И много света,
И много жизни впереди.

В траве высокой ходят кони,
Ушами чутко шевеля,
Но вечер ясен и спокоен,
И пахнет клевером земля.

Неслышная взлетает птица,
А воздух светел и тягуч,
Как будто день устало длится
Под лёгкими крылами туч.

Но надвигается упрямо
Мерцающее время звёзд,
И перепёлка, словно мама
В далеком детстве,
Спать зовёт.

Вечерний свет тревожен и высок.
Его лучей упругие волокна
Огонь заката выплеснули в окна
И потекли на золотой песок.

И окна
Отражение лучей
Отбросили стремительно на стены,
И лёгкие, недвижимые тени
Легли на лица красных кирпичей.

Так продолжалось, может, полчаса.
Но вдруг картина ясная погасла,
Как будто в чаше догорело масло,
Или упали в море паруса.

Вдали зари полоска залегла.
Уже вершины сосен догорели,
И летний вечер тихо на свирели
Задумчивую песню заиграл.

Зовёт в леса зелёная земля,
Зовёт в луга зелёная планета
Гудением мохнатого шмеля,
Дыханием разлапистого лета.

Иду в леса, где шорохи и тень,
Где трав хитросплетения живые,
А на опушках, как сторожевые,
Стоят дубки и караулят день.

Иду в луга, где сонные цветы
Головками задумчиво качают.
Они меня, росистые, встречают
Неяркими глазами красоты.

Иду к реке, где синяя вода
Большое небо чётко отражает.
Она меня умыться приглашает —
Стереть следы заботы и труда.

Иду в июнь.
Распахнут горизонт.
Волнуется зелёная планета.
Она в ладонях бережно несёт
Слепящий диск разбуженного лета.

Прожурчали в небе журавли,
Ручейком прозрачным прожурчали,
Уронили песню в ковыли,
Словно свет возвышенной печали.

Я стоял и слушал, чуть дыша,
Песню над лугами и лесами,
И была взволнована душа
Дальними родными голосами.

А на самом краешке земли
И на самом краешке рассвета
Всё журчали в небе журавли,
Догоняя солнечное лето.

Зима переписала набело
Черновики осенней непогоды.
Простуженное солнце обвело
Неярким светом облачные своды.

И утреннего снега чистота
Меня опять волнует и тревожит,
Как откровенность белого листа,
Которая не волновать не может.

И вот зима.
Торжественно и чисто.
Светло от снега
даже по ночам.
Седой декабрь
в моё окно стучится,
как старый мельник,
что-то бормоча.

О русский край,
люблю твои морозы,
когда дымы – до ясной высоты,
когда сугробов белые наросты
напоминают мягкие холсты.

Когда черны обветренные ветви
старинных лип Дворянского гнезда,
когда в ночи
мерцает мне и светит
звезда любви,
высокая звезда.

И на душе торжественно и чисто,
как будто в мире зимней красоты
сегодня чудо доброе случится,
как из-под снега
выглянут цветы.

Дорога устала от бега
И шума летящих колёс.
Дыхание первого снега
Над рощами ветер пронёс.

Как будто приходит старенье
Всему, что цвело и жило.
Деревьев немые коренья
Ворочаются тяжело.

И в травах засушенных разных
По лунному светит полынть...
Но снова за буднями праздник,
За холодом снова теплынть

И новая зелень побега,
И старая песня колёс...
Дыхание первого снега
Над рощами ветер пронёс.

Зимний лес красив и светел.
Снег на солнце серебрист.
На берёзе я заметил
Одинокий
Тонкий лист.

Были снежные метели,
Били землю холода,
Листья с веток облетели,
Он – как тёплая звезда.

Солнцем утренним просвечен,
Засветился надо мной
И не зелен,
И не вечен,
А понятный и родной.

Видно, зимние угрозы
Отвела берёза-мать,
Если ветры и морозы
Не смогли её сломать.

Стоит черемуха одна,
Она черна и холодна.
Январский ветер одичалый
Её качает у окна.

Стоит черемуха одна,
А небо светится до дна.
На дне луна лежит печально,
Голубовата и бледна.

Стоит черемуха одна.
Сугробы чище полотна,
И тень, как сонное молчание,
У ног черемухи видна.

Пушкин
(акrostих)

Аллеи сада Царского Села,
Лицейских лет зелёная свобода,
Ещё на землю русскую легла,
Как тень, гроза двенадцатого года.
Седых преданий отдалённый гул,
А в сердце долгий гул воспоминаний,
Но век железным холодом дохнул –
Друзья ушли в мучения изгнаний.
России той избранник и поэт
Соединил историю и слово.
Его стихов и музыка, и свет
Разливом нас захлестывают снова.
Горенье строк – горение души,
Его судьбы начало и вершина,
Его работа в болдинской глуши
Великий подвиг разума вершила.
И голосом возвышенным была
Чиста свободе преданная лира.
Певцу добра слепая свора зла
Уже расправу чёрную творила...
Шумит лесов зелёная краса,
Кукушка кличет солнечное лето.
Иных поэтов слышу голоса,
Но в них бессмертье первого поэта.

Русь

На зелёных холмах
Дремлет древняя Русь.
В ней и силы размах,
В ней и сказка, и грусть.
Речек русскую речь,
Тропок светлую нить
Как же нам не беречь,
Как же нам не любить!
Здесь начало начал,
Милой родины свет,
Это добрый причал
До скончания лет.
На зелёных холмах
Мне Россия видна,
Силы русской размах
И души глубина,
Речек русскую речь,
Тропок светлую нить
Как же нам не беречь,
Как же нам не любить!

Из книги

«*Свет Родины*»
(1982)

Свет Родины

Свет Родины во мне горит
Как свет берёз,
Луны и снега...
О многом сердцу говорит
Напев над зеленью побега,
Или летящих вдоль саней
Деревьев чёткие приметы,
Или пасущихся коней
Отчётливые силуэты.

Я слушаю людскую речь,
Ту, за которую Иванам
Пришлось на поле ратном лечь
На гибель всяким басурманам,
И различаю голоса
Друзей,
Которых надо встретить,
Когда весенняя гроза
Дорогу молнией осветит.

Неповоримый колорит,
Особый вкус зимы и лета...
Свет Родины
Во мне горит,
И нет на свете
Чище света.

Утренний голос

Тихий голос меня окликает.
Я иду на него, как на свет.
По деревьям
На травы стекает
Голубой и зелёный рассвет.

Мне родное в том голосе слышно,
Словно это усталая мать
За калитку на улицу вышла
Загулявшего сына позвать.

Или, может, отец мой,
Пропавший
На войне,
Никого не вина,
Весь дорогой и дымом пропахший,
Окликает тихонько меня...

Голос детства
Во мне пробудился,
И душа замирает во мне,
Будто маленький,
Я заблудился
В голубой и зелёной стране.

То ли с колосом шепчется колос,
То ли ветер шумит у огня.
Но звучит
Этот утренний голос
И зовёт,
И волнует меня.

Если о России

Написать о времени просили,
О земле, о людях, о труде,
Но опять о матушке-России
Песня, словно всплески по воде.

Может, потому, что я родился
В нашей среднерусской полосе,
На колени к бабушке садился,
Слушал были о земной красе.

Может, потому, что со страницы
Я узнал о времени былом,
И меня неведомой жар-птицы
Озарило огненным крылом.

Может, потому, что в жизни этой
Я людей возвышенных встречал,
Меченных одной житейской метой,
Знающих работу и причал.

Сеяли, седали и косили.
Их порыв теперь в душе несём.
Потому-то, если о России
Говорим, то, значит, обо всём.

Степь

Степь, ты, степь, земля российская,
Серебрятся ковыли.
Глянешь вдаль – трава росистая
Мягко стелется вдали.

Ширь орловская и курская
Развернулась, раздалась.
Не отсюда ль удаль русская
Гордой песней полилась?

Видно, задолго до трактора,
Побеждая жизни власть,
Сила русского характера
Здесь когда-то родилась.

Здесь России старой пахари,
Предки давние мои
Только охали да ахали,
Плуг вонзая в толщ земли.

Отшумели годы грустные.
Сталью блещет наша крепь.
Только песни, песни русские,
Широки, как эта степь.

Благодарю

За поле
и краюху хлеба,
и за непостоянство неба,
и за весенний
птичий грай
благодарю тебя,
мой край.

Благодарю
за все тропинки,
что стелешь ты
у ног моих,
за молоко парное в кринке,
за грусть и радость
на двоих.

Благодарю не ради слова,
не ради песенной строки.
По деревьям толкуют снова
об урожае старики.

С полей идут гурьбой девчата,
несут усталость на плечах,
и солнца светлый отпечаток
горит
на лицах и руках.
А на реке
в весёлом лепете
стирает женщина бельё.

Рубахи, белые, как лебеди,
в руках волнуются её.
Всё это ты,
мой край ракитовый,
в зелёном трепете ветвей.

Восходят зори из руки твоей
высокой музыкой твоей.
Пройду я по земле,
по вечности
и неизменно пронесу
в живые тайны бесконечности
твою
нетленную красу.

Земляки

Ни души, ни лица не хмуря,
От родимых мест далеки,
На Байкале и на Амуре
Проживают мои земляки.

В прошлом веке
И в нашем веке
Уходили они спроста
Покорять за Уралом реки
И в тайге обживать места.

Били зверя
И птицу били,
Им работа была с руки,
По-орловски дома рубили
Среднерусские мужики.

И Касьяны с Красивой Мечи,
И тургеневские певцы...
От работы ломило плечи,
Но растили сынов отцы.

Будто искры собой высекали
Бородатые мужики.
На Амуре и на Байкале
Проживают мои земляки.

Узнаю их всегда по взгляду,
По улыбкам и по рукам.
Поздороваясь да присяду,
Да поведаю землякам

Про далёкий Орёл да Кромы,
Про тургеневские места,
Словно нет мне заботы кроме.
Будет совесть моя чиста.

И покажутся дали шире,
И дороги мои легки,
Потому что по всей Сибири
Проживают мои земляки.

Войду в берёзовую рощу

Войду в берёзовую рощу,
И станет на душе светлей.
И жизнь покажется мне проще,
И ярче нить летящих дней.

Душа опять в мечту поверит,
Дороже станет край, где рос.
Как будто юностью повеет
От тихой лунности берёз.

Триптих

Что прошлое?
Оно не возвратится
и не ударит по лицу крылом.
Умчалась вдаль
Сиреневая птица.
Зачем грустить и плакать о былом?

Что настоящее?
Оно живёт и дышит,
оно меня тревожно тербит,
стучит крутыми каплями по крыше,
и всё вокруг
мелькает и рябит.

Что будущее?
Ничего не зная,
не верю я пророкам-толмачам,
но дверь в него
высокая, резная,
мне часто-часто снится по ночам.

От имени поколения

1.

Век мой –
радость моя и тревога,
век мой –
песня моя на вдохе.
Мне в наследство
досталась дорога,
буду я умирать –
в дороге.
А пока –
подо мной планета
от шагов моих
вся гудит,
и закат за рекой вполнеба,
как из детства,
в глаза глядит.
А пока –
у меня в запасе
вечность целая
и любовь...
Для врагов своих
я опасен
тем, что знаю и бой,
и боль,
тем, что руки мои – в мазуте,
и мозоли на них тверды.
Я – рабочий по сущей сути,
посвящающий миру труды.
Век мой –
гордость моя и каление,
век мой –
в новое звездолёт.
Я – от имени поколения.
Пропустите меня вперёд.

2.

Родина,
ты слушаешь меня?
Весь я твой,
шагающий по лету.
Даже в мыслях я не изменял
твоему высокому полёту.
Всем,
что есть хорошего во мне,
я тебе обязан постоянно –
лёгкий парус
на крутой волне
вздыбленного к звёздам океана.
Родина,
ты только позови,
прикажи –
и я уже в походе.
Пусть меня бросает грузовик,
пусть меня качают пароходы.
Буду холодать и голодать.
А однажды
с радостью земною
поднесу в подарок города,
на Луне
построенные
мною.

Успокой мне сердце

Успокой мне сердце, успокой,
Заглуши неясную тревогу
И своей ласкающей рукой
Собери меня опять в дорогу.

Без меня не плачь и не грусти,
И не стой часами на пригорке.
Я пойду по матушке-Руси
Сквозь туман и дым костров прогорклый.

О, моя заснеженная Русь,
Родина с глубокими глазами,
Голубая, медленная грусть
Пролилась на землю небесами.

О, моя сиреневая Русь,
Сторона, зелёная по пояс,
За твою удачу не боюсь,
За твою судьбу не беспокоюсь.

Только в сердце, видно, неспроста
Поселился непокой дорожный.
И течёт в ладони высота –
Свет звезды, дрожащий и тревожный.

Успокой мне сердце, успокой,
Заглуши неясную тревогу.
Расстели передо мной рекой
К сердцу твоему мою дорогу.

Жив человек

Жив человек
Своим движеньем,
Своим желанием творить,
Души прекрасным обнаженьем –
«Люблю» любимым говорить.

Жив человек
Огнём традиций,
Своим умением гореть
И умереть,
И вновь родиться,
Чтоб никогда не умереть.

Матери моей

Мне бы руки твои целовать
и беречь твои долгие годы.
Поседела твоя голова
от минувшей земной непогоды,
от железных дождей и огня,
от мучительных дней ожиданий.
Ты прости, моя мама, меня
за нечастую радость свиданий.
Постоянно дела и дела,
то семья, то друзья, то дорога...
Увела меня жизнь,
увела
навсегда
от родного порога.
Только в сердце, как прежде, тепло
и светло от родимого дома.
Много лет,
много дней утекло
от беды
и военного грома,
но черты молодого лица
и глаза, что смеялись когда-то,
унаследовал я от отца –
не пришедшего с фронта солдата.
Может, мне потому и больней
видеть дней твоих тихую старость,
и стучит моё сердце сильней,
прогоняя дневную усталость,
и врывается в душу строка,
от которой себя не избавить.
Ах, как жизнь на земле коротка,
как длинна
неугасшая
память!

Вера

Сном подушку долго не примять
Вечером,
 черёмухой пропахшим.
Получила старенькая мать
Весть о сыне,
 без вести пропавшем.
Сердце материнское скорбит,
Кто его величие измерит?
Без вести пропал,
 но не убит –
В это сердце трепетное верит.
Свет седой
 луны сторожевой
Медленно, как годы, убывает.
Сын родной
 для матери живой
Без вести пропавшим
 не бывает.

Монолог

Ты говоришь: – Судьба...
 Ну что же.
 Оно, конечно, может быть.
 Но жизнь мою,
 всё то, что прожил,
 Да разве я могу забыть!
 Забыть ли мне, как в дни лишений
 Я рано потерял отца:
 Он пал в огне, в дыму сражений,
 России верный до конца.
 Забыть ли мне далёкий голод,
 Мытарства все из края в край.
 Жить уезжал я в новый город.
 Но в сердце вспыхнет песней май,
 И ты спешишь туда, обратно,
 К началу всех своих начал,
 Где в детстве ты неоднократно
 Рассветы свежие встречал,
 Где каждый переулок дорог,
 Где счастье первое обрёл...
 И снова он – крылатый город
 С красивым именем – Орёл.
 Забыть ли мне паденья, взлёты
 И руки матери моей,
 Когда усталая с работы
 Она придёт и поскорей
 Готовит небогатый ужин
 Не для себя – для нас, детей,
 А день заботами загружен
 С утра и до ночных огней.
 Забыть ли мне?
 О, память, память,
 Ты вновь картинами полна,
 И я целую руки маме
 За всё, что сделала она.

А годы шли, как шли солдаты.
 Я видел жизнь, как ширь морей,
 И новые горели даты
 В душе взволнованной моей.
 И не сотрут ни дни, ни годы
 Той замечательной поры,
 Когда светили мне в походах
 Вы, пионерские костры.
 Когда весной однажды в школе
 (Я и не мыслил о другом)
 Зажгли мне сердце в комсомоле
 Горящим маленьким значком.
 И я навстречу солнцу вышел
 И цель увидел впереди,
 Как голос матери услышал:
 – Сынок, мужайся и иди.
 Ты говоришь: – Судьба.
 Ну что же.
 Оно, конечно, может быть,
 Но жизнь мою, всё то, что прожил,
 Мне не дозволено забыть.
 И если надо,
 В дни крутые
 С заветным именем отца
 Всю жизнь свою отдам России
 Без промедленья,
 До конца.

Музыка

Ударил день во все колокола,
И музыка над миром зазвучала,
Как будто эта музыка была
Всему живому доброе начало.

В ней гул машин и голоса людей
Слились в одну мелодию работы.
Дыханием разгорячённых дней
Наполнились морозные широты.

И думалось светло и широко,
Что жизнь всегда в работе и движенье,
И верилось, что старость – далеко,
А молодость – работы продолженье.

Половодье

Половодье весеннего света
Затопило сумятицу дней.
Вот и зимняя песня пропета
Под холодные пятна огней.
И в смеющемся лице апреля
Я улыбку земли узнаю.
От капельного звона добра,
Всё смотрю в ожиданье на юг
И боюсь пропустить то мгновенье,
Ту знакомую песню вдали,
Что на крыльях несут журавли.
Потому каждый день,
Каждый вечер,
Прикрывая от солнца глаза,
С нетерпением жду этой встречи,
В синей дымке ловлю голоса.
И я верю, что будет удача,
И над ширью родимой земли
Песню радости светлого плача
Прокурлычат мои журавли.

Песня длилась

Над холмами,
Над равниной
В небе утреннем возник
Старой песни журавлиной
Удаляющийся крик.

Переливчато журчала
Завороженная даль,
Без конца и без начала,
Как неясная печаль.

И в душе она будила
Голос,
Нежный, как трава,
Разливаясь, наводила
На хорошие слова.

Долго-долго песня длилась,
Замирая вдалеке.

Отчего же сердце билось
Птицей пойманной в руке?

Зелень молодая

Как первая любовь, чиста
На ветках зелень молодая.
И чудо первого листа
Блестит, на сердце оседая.

Кругом листвы зелёный свет
От ветра тихо шевелится.
Черёмуховый первоцвет
Уж скоро нам осветит лица.

И долго будет длиться день,
Как будто юность будет длиться,
Когда душистая сирень
Дохнёт нам молодостью в лица.

Июньское солнце плеснётся
Зелёным крылом в камыше,
И станет от чистого солнца
Светло и легко на душе.

Захочется снова, наверно,
Под шелест весёлый и свист
Туда, где поёт вдохновенно
Соловушка – милый солист.

И ветер навевает желаний
Знакомую песню без слов,
Как голос и дивный, и ранний,
Который по-старому нов.

Вечерняя гроза

Весь день стояла тишина,
И лишь под вечер в поднебесье
Прошла гремячая волна,
И задрожало мелколесье.

И дождь нахлынул с высоты,
Гонимый ветром над полями,
Упал на травы и кусты
С отяжелёнными ветвями.

Укрыться негде от дождя.
Бежать – и боязно, и поздно,
А тучи, разговор ведя,
С востока напоздали грозно.

И запад огненный погас,
И в поле сразу потемнело.
Но над раздольем через час
Седое небо онемело.
Прошла вечерняя гроза,
И травы вдруг помолодели,
И звёзд умытые глаза
На землю чистую глядели.

Бабье лето

В краски яркие одето,
Переполнено добром,
Наплывает бабье лето
Паутинным серебром.
Паутины, паутины,
То изгиб, а то излом,
Тихой осени картины
Вдруг напомнят о былом.
За изгибы, за изломы
Синь сливается, чиста,
И покажутся знакомы
Незнакомые места.
И захочется всё дальше
Сквозь деревья и кусты –
От парадности и фальши,
От ненужной суеты.
Жизнь любя и принимая,
Я шепчу: «Не отлучи,
О, земля моя родная,
Поведи и научи
Отличать врага от друга,
Увлечение – от любви.
Обруч замкнутого круга
Напряженьем разорви,
Чтобы рядом, а не где-то,
Паутинками звеня,
Наплывало бабье лето
Тёплым светом на меня.

Соловей

Века прошли над Родиной моей,
Как облака и грозовые тучи.
Но всё поёт о жизни соловей –
Певец незримый в зелени кипучей.

Да будет жизнь прекрасней и новей!
Пройдут века,
Как облака и тучи,
Но будет петь о жизни соловей –
Её глашатай и певец летучий.

Сенокос

Прошла коса,
Подрезала
Травы густой настой,
Прошла, стальная,
Резвая,
Блистая высотой.
Ей дела нет до запаха
И нет – до красоты.
В её холодных лапах
И травы, и цветы,
В её жестоких лапах –
Ромашковая боль,
И в солнечных накрапах
Цвет неба голубой.
Цветы мои, прощайте,
До следующих встреч.
Вы только обещайте
Красу свою беречь.
Прощай, иван-да-марья,
И ты, мой иван-чай,
До будущего мая
Прости меня.
Прощай.

С холма высокого виднее
Отцовско-материнский край.
Даль неоглядна,
А над нею –
Ржаного солнца каравай.
Направо – лес.
Налево – поле.
За полем – старое село.
Стрижи веселые на воле
Над речкой пробуют крыло.
А речка вдаль бежит,
И речью
Её здесь люди дорожат,
А по заречью, по заречью
Луга просторные лежат.
На них стреноженные кони
По травам ходят не спеша...
Смотрю на все из-под ладони,
И светом полнится душа,
Весь этот край,
Земля и небо,
Простор
И солнышко над ним,
Как каравай ржаного хлеба,
Как воздух.
Мне необходим.

И если вдруг
в полете смелом
Ослабнут крылья на лету,
К земле
прильну усталым телом
И снова
силу
обрету.

Старик

Он давно одевается не по моде
и живёт в комнате,
где полы чисты,
где единственная фотокарточка
на комодке,
а на подоконнике –
полевые цветы.

У него седые усы и брови
и от времени выцветшие глаза.
Ничего, что вид у него суровый,
он может многое рассказать.
Например, о том, как в году двадцатом
в Красной Армии был он молодым трубачом,
голодал
и спал на полу дощатом,
но казались трудности ему нипочём.
Или, скажем, о том,
как любил он девушку,
да её беляки сожгли на костре...
А теперь говорят ему многие –
дедушка,
да и сам понимает он – постарел.
Или, может, о том, как мечтал он часто
ночами тёмными в Брянских лесах,
что ему самому улыбнётся счастье,
и улыбка блуждала в рыжеватых усах.
А теперь
в старом чайнике
кипятит себе воду,
сам стирает
и сам готовит обед...
Но бывает порою –
подходит к комоду
и долго смотрит
на женский портрет.

Он мурлычет задумчиво
старую песню
про ударный и боевой батальон.
В месяц раз
приносит ему пенсию
девушка с веснушками – почтальон.
Нет у него
ни родных, ни близких,
а друзей он давно уже всех растерял.
Числится кто-то
в посмертных списках,
кто-то министр,
а кто – генерал...

Он не ждёт никого,
ничего не требует,
говорит:
«Была бы крыша над головой,
соли щепоть да ломоть хлеба,
да родная земля под ногой...»
Только иногда
затоскует страшно,
словно пожалеет о чём-то большом.
А если кто мимоходом спрашивает:
«Как поживаете?»,
говорит: «Хорошо».

С годами всё яснее понимаешь
С родной землей живительную связь.
Как будто груз на плечи принимаешь,
Не донести до цели, не боясь.
А цель одна, как Родина и правда,
Как свет в окне у матери моей.
Прожить бы жизнь на родине не праздно
И всё отдать, что можешь, для людей.
Потом уйти
И уступить дорогу
Уверенно идущему вослед
И в благодарность
Отчему порогу
Послать последний ласковый привет.
А смерть, как жизнь,
Ни в чем не виновата,
Пуškai ты даже к делу прикипел.
Она всегда приходит,
Как расплата,
За всё, что в жизни сделать не успел.
А после – что?
До боли интересно.
Блуждает жар малиновый в золе.
Но остаются
Родина и песня,
А это очень много на земле.

Красный всадник

Красный всадник
На белом коне
Пролетел
И растаял за лесом,
Словно скрылся
В тумане белёсом.
И уже не вернулся ко мне.
Но успел разглядеть я звезду
Пятикрылую нашу на шлеме,
И как будто звенящее время
Золотую рвануло узду.
Но успел разглядеть я лица
Молодого тугие овалы,
Русы брови
Да губы алы,
Словно в молодости у отца.
Продолжение
Бьется во мне.

Песней меченый и железом,
Пролетел
И растаял за лесом
Красный всадник
На белом коне.

Суворов

Валентину Сорокину

Всё просто,
Как под солнышком трава.
Всё сложно,
И тревожно,
И сурово.
Но вдруг
Воскреснут в памяти слова
На белом камне:
«Здесь
 лежит
 Суворов».

О, сколько их, блистательных имен,
Лежит под сенью траурных знамен!
Они России –
Слава и оплот,
Её земли
Начало и основа.
Им благодарен памятью народ
И не жалеет бережного слова.

О, сколько их, богатырей, – не счесть!
Они – России мужество и честь.
Кто хочет в землю русскую войти,
Забыв урок,
Разбойником и вором,
Пусть встретит белый камень на пути
И содрогнется –
Здесь лежит Суворов!

На смерть Александра Твардовского

Мы медленно осознаём
Всю боль пронзительной утраты.
Как будто сами виноваты
В том, что когда-нибудь умрём.

Среди забот и суеты
Звучит понятнее и шире:
«Все сроки кратки в этом мире...»
И краток я, и краток ты.

Когда возвышенный поэт
От жизни суетной свободен,
Не всё ль равно: медаль иль орден
Ему дарует белый свет.

Поэту слава не нова.
Но почему при жизни постно,
А после искренне, но поздно
Звучат хорошие слова!

О, человеческая рать,
О, люди милые, поверьте:
Нам не узнать до самой смерти.
Легко иль трудно умирать.

Он эту тайную черту
Переступил, смежая веки.
Оставив Родине навеки
В работе взятую мечту.

Его высокая звезда
На просветленном небосводе,
Как песня, не умрет в народе
И не погаснет никогда.

Листья-дни облетают в траву.
Приближая усталость и осень.
Только я их назад не зову –
И под снегом ведь дышит озимь.

Мне не жаль ни себя, ни их.
Нас земля и растит, и кормит...
Знают все –
У деревьев гнилых
Догнивают крутые корни.

В них прозрачная сохнет кровь.
Умирает повадка лисья...
А живые деревья вновь
В синеву распускают листья.

Уже не лето,
Но ещё не осень –
Спокойная и ясная пора.
Высокий шум
Стоит в вершинах сосен,
Как свет стоит
У каждого двора.

Ещё не осень,
Но уже не лето,
Свой путь
По кругу вечному верша,
Открытая опять
Теплу и свету,
К добру и свету
Тянется душа.

Октябрь

Горят леса недвижимым огнем,
А на полях неповторимо голо,
Как будто здесь ещё вчерашним днем
Остался след нашествия монголов.

Скользит река, как тёмный ятаган,
Оброненный в пылу атаки дикой.
Луна бледнеет – косоглазый хан,
Насквозь пробитый беспощадной пикой.

Вот холм заречный – шлем богатыря,
Сложившего главу на поле брани.
И польхает знаменем заря,
Развернутая Русью над шатрами.

Ещё до осени не близко,
Но я читаю по слогам,
Как пожелтевшую записку,
Упавший лист к моим ногам.

Рисует мне воображенье
Листвы прощальное круженье,
Деревьев пёстрый хоровод,
Посеребрённые рассветы,
Предзимья первые приметы
И первый на озёрах лед.

Осень

I

За августом приходит осень.
Ветвей неосторожный хруст
и в двадцать лет,
и в двадцать восемь
рождает в нас
всё ту же грусть.
Так предназначено
навечно.
Нам этой грусти не унять.
Нас будет осень человечно
красой прощальной пленять.
Как будто в том –
всему начало,
как будто в том –
всему конец...
Цветы сухие иван-чая
качает ветер-сорванец.

II

А осень всюду.
Вот и ты
уже покрасилась под осень.
И дождь угрюмый с высоты
нам этой осенью подослан.

В полях печальных и пустых
лишь одинокие колосья.
Нам ветер листья, как цветы,
бросает щедро под колёса.

III

В туманах бродит горизонт,
как мысли добрые в народе...
А заяц знай себе грызет
капусту в тихом огороде.
Уже морозами грозит
октябрь,
и ветер дико свищет,
и роща голая сквозит
и по ночам кого-то ищет.
И плач её,
что в сердце нож.
И боль свою припоминаешь...
Того, что было, не вернёшь,
того, что будет, не узнаешь.

Берёзе

Берёза,
Русская берёза,
Царица белая лесов,
Откуда стать твоя берётся
Под свист и гомон голосов!

Шумишь ты
В зелени и силе,
Тебя мы славим и поём.
И образ родины-России
Мы видим в образе твоём.

Зимнее

Люблю морозца злое жжение
И лёд прозрачный, как слюда,
И вдохновенное скольжение
По откровенной глади льда,
Когда влечет вперед движение
Из ниоткуда в никуда.

Люблю метельное кружение
И стонущие провода,
Лыжни тугое натяжение,
Сугробов стылых города...
Но более люблю крушение
Зимы.

Русская земля

То земля орловская,
То Брянская,
То орловско-курская земля,
Но одна – родная и славянская,
Но одни деревья и поля.

То земля смоленская, то курская,
То рязанско-тульская земля,
Но одна – священная и русская,
И твоя, товарищ, и моя.

Каркали и вороги, и вороны,
Обещали, каркая, беду,
А она на все четыре стороны
Распластала красную звезду.

Каркали и вороны, и вороги,
А она жила и берегла
Рощицы, что молоды и дороги,
Речек безымянных берега.
А она несла свою заботушку,
Много раз спаленная дотла,
Да любила ласку, как свободушку,
Силой неизбывного тепла.
То прольётся песня лебединая,
То прервутся трели соловья...
Есть на свете русская единая
И благословенная земля.

Давно я начал понимать
Житейских лет закономерность:
Чем больше любишь жизнь и мать,
Тем крепче и любовь, и верность.

И потому я говорю:
Что есть и было,
Пусть пребудет.
За всё, что есть, благодарю.
Благодарю за всё, что будет.

Материнская доля

*Русской женщине-матери
П. Х. Чернухиной*

I

Годов ей будет девяносто.
Она от времени седа.
Глядит задумчиво и просто,
Как сквозь ушедшие года.

Я по лицу её читаю,
Судьбы прослеживаю нить.
Но всё-таки предпочитаю
Её о жизни расспросить.

Она рассказывает скромно,
Чему, мол, быть – не миновать.
Как будто гладко всё да ровно
В твоей судьбе случилось, мать.

А недороды да невзгоды,
А ночи тяжкие без сна,
А смертью меченые годы
Да распроклятая война!..

Война –
И память в напряженье.
Война –
И сердце, что во льду.
Страны грохочущей движенье
И дни, и ночи, как в бреду.

В том сорок первом, рано-рано,
Преодолев разлуки жуть,
Сынка любимого Ивана
В далекий проводила путь.

Ушёл солдат, да не вернулся,
Ушёл на славу и на смерть,
Как в черный омут, окунулся
В пылающую круговерть.

И боль, как вечная усталость,
Легла тебе на плечи, мать.
И ты совсем одна осталась
Внучат растить да поднимать.

Их было пятеро. Немало.
Но расступилась ночи мгла.
Ты их растила, поднимала,
Ты их учила, как могла.
И было трудно, было трудно,
Как всей израненной стране.
Кричали паровозы трубно:
Конец войне!
Конец войне!

И деревенский мальчик Лёнька –
Прасковьин внук, Иванов сын,
Кричал залиvisto и звонко,
Победно в утреннюю синь.

II

Здравствуйте, Прасковья Харитоновна,
Как здоровье ваше, как дела?
Снова милым запахом антоновок
Веет ветер улицей села.

Да у дома листьями ракиотовыми
Засорила осень невпопад –
Начала по улицам раскидывать
Пёстрый и шумливый листопад.

Занялась уже земля пожаром,
Только никогда не догорит...
Леонид Иванович, пожалуй,
По хозяйству что-то мастерит.

Пишут ли вам внучки?
Наезжают?
В гости не приходится их звать?
Вас они, конечно, уважают,
Как родную бабушку
И мать.

III

Слышится песня мне
Русского поля:
Выпала матери трудная доля,
Выпало матери много беды,
Да убежало немало воды.

Что же у матери нынче осталось?
Доброе сердце
Да тихая старость,
Память о сыне
Да горечь утрат,
Что пробуждают ее по утрам.

Но подрастают и внуковы дети.
Жить им на этом взволнованном свете.
Землю беречь им
Да небо беречь
И продолжать нашу
Русскую речь.

IV

Леонид Иванович,
сын у вас хорош.
Только не пойму я:
на кого похож.
На отца,
на деда,
может быть, на мать...
Хорошо решили –
Юркою назвать.
Подрастает Юрка –
пятилетний сын
в шорохе ракивовом,
в шорохе осин.
Подрастает Юрка,
вырастет большой,
будет весь в прабабушку
солнечен душой
да пойдет по свету
людям свет дарить,
вспоминать прабабушку
и благодарить.
От родимой хаты,
как в рассвет река,
для него дорога
в завтра
широка.

V

Прасковья Харитоновна,
до встречи.
Я покидаю добрый ваш уют.
Уже в окно заглядывает вечер,
Да где-то песню женщины поют.

Поют о том,
что годы пролетели,
да не сбылись заветные мечты.
Поют о том,
что снежные метели
покрыли запоздалые цветы...

Хочу я на прощанье
поклониться
Вам за труды и горькую судьбу.
И вашей жизни скромные страницы
вписались в нашу общую борьбу.

Не делали вы жизни одолженья,
дорогой шли жестокой,
но прямой.

Живет на свете
ваше продолженье,
как продолженье
Родины самой.

Трус

И он бежал.
Ещё не зная сам,
Куда бежать.
Бежал напропалую.
Его хлестали ветви
По глазам.
Его тянуло
На траву сырую,
Но он бежал.
В сознание билась
Мысль
Единственная:
«Выжить,
Выжить,
Выжить!»
И неба расколовшаяся высь
То падала,
То вдруг взлетала
Выше.
А он бежал
От смерти,
От войны,
От Родины
И от себя
Сквозь грохот,
А он бежал,
Не ведая вины,
Не слыша за спиной
России ропот.
А за спиной
Остались умирать
Его друзья,
Его однополчане,
А под Орлом
Его крестьянка-мать
За сына
Долго молится ночами.

Её трехлетний внук
Зовёт отца.
Во сне слова невнятные
Лопочет.
А он, не вытирая пот с лица,
Бежал к оврагу
Из последней мочи.
Упал под куст,
Как заяц,
И затих.
И только сердце прыгало
И билось.
С куста
Прохлада капель золотых
На лоб горячий
Медленно скатилась.
Куда теперь?
Теперь друзьям он –
Враг,
И не отец он
Собственному сыну.
Листвой осенней
Шелестит овраг,
И ноги, за ночь вымокшие,
Стынут.
Деревья шепчутся зловеще:
«Трус...»
И нет на них ни слова,
Ни запрета.
Сидит беглец,
Голубоглаз и рус,
На той земле,
Которую он предал.
И голос говорит ему:
«Вернись!
Тебя простят,
Хотя осудят люди...»
Другой же голос жестко:
«Оглянись!

Ты предал нас.
Прощения не будет!»
И долго-долго
Мечутся в зрачках
Сомнений и надежд
Немые тени.
И автомат
В измученных руках
Тяжелой сталью
Холодит колени...
А над землёй
Неведомый рассвет
Уже звенел
Невидимой струною.
В овраг
Громадой туч, через просвет,
Сочилось небо
Тяжкою виною.
Спросонок дико ворон закричал,
Тревожным криком,
Будто душу выскреб.
Свинцовым приговором
Прозвучал
В холодном утре
Одинокий
Выстрел.

Шарик

Евгению Горбову

Здравствуй, Шарик,
новый мой знакомый,
у тебя усталые глаза.
У природы есть свои законы —
ты не можешь ничего сказать,
но меня прекрасно понимаешь,
словно слово продолжать велишь,
голову на голос поднимаешь
и хвостом мохнатым шевелишь.
Ты меня на много лет моложе.
Но считать не будем мы годов.
Я с тобой и в зной и на морозе
Побродить по городу готов.
Твой хозяин на меня в обиде.
Вижу я укор в разрезах глаз,
Что в его высокую обитель
Я пришел за годы в первый раз.
Говорю я: – В первый – не в последний.
Ухожу веселый и хмельной,
Словно у порога вечер летний
Крыльями качает надо мной.
Но давно осенний ветер шарит,
На удачу или на беду?
До свиданья, молчаливый Шарик,
Я к тебе не раз еще приду.
Ты меня, пожалуй, не узнаешь,
Голову на лапы положив,
Злобно или радостно облаешь,
Оглашая лаем этажи.
Только не молчи,
как в этот вечер,
и хвостом красивым не играй.
Ты меня, пожалуйста, при встрече
злобно или радостно облай.

Черна чугунная ограда,
За ней могила холодна.
Какая жалкая награда
За жизнь, испытую до дна.

На сером камне – жизни даты.
Ни памятника, ни креста.
И все печали, все услады
Вместила тонкая черта.

Она меж датами, как тайна
Любви, которой больше нет.
Всегда строга и неслучайна,
Таящая тепло и свет.

Но сможет кто под слоем пыли
Узнать сегодня до конца,
Какие это люди были,
Какие бились в них сердца!

Неужто жизни всей награда,
И все наследство на лета –
Одна чугунная ограда
И камня серая плита?

Раздор

Зимы пустынные владения.
Медлительного снега лёт...
Как удержаться от падения,
Когда под каблуками лёд!
Холодный свет нисходит матово
От одиноких фонарей,
Как будто ночь его разматывать
Взялась у окон и дверей.
А ты один.
Забыты дочиста
В прищуре острые глаза.
Плетётся рядом одиночество
И тоже не глядит назад.
Там пустота,
Там свет неоновый,
Два сердца,
И меж ними – ров.
И кто-то в кофточке нейлоновой
В тебя бросает камни слов.
И ты уходишь,
Дверью выстрелив
В мир устоявшейся беды,
Не видя, как тревожно вытерли
Твои оплывшие следы.
Ты в снег уходишь независимо,
Едва не падая, скользишь,
Кого-то проклиная мысленно,
Кому-то мысленно грозишь.
Но, как во власти сновидения,
Горячий разум не поймёт,
Как удержаться от падения,
Когда под каблуками лёд?

Слово

Горем ли чужим заплачу,
Или радостью взорвусь,
Слова в сердце не упрячу,
Словом добрым отзовусь.
И живёт оно, и дышит,
И врачует, как трава.
Посреди седых ледышек
Бьются тёплые слова.
И меня волнует снова
Слово-образ, слово-нить...
Для того оно и слово,
Чтобы людям говорить.

Ещё живу вчерашним днем,
Вчерашней радостью и болью.
Незатухающим огнем.
Незатихающей любовью.

В душе моей весенний день,
Как солнца свет, протяжно длится.
Забвенья лиственная тень
Ложится медленно на лица.

Но ты, как прежде, из весны
Ко мне протягиваешь руки
Сквозь годы долгие и сны,
Через надежды и разлуки.

Не жалею о том,
Что забыто,
И о том,
Что не встречено мной...

Дни мои
Простучат, как копыта
Скакуна
По дороге земной.

Вдоволь выпью
И горя,
И смеха
И умру со звездой в руке.
Только жизни
Далекое эхо
Будет

долго

скакать

вдалеке.

Берёза

Она пришла сюда из леса.
Сперва поникшая была,
Сперва едва-едва белёса.
Теперь окрепла и бела.

Теперь она уже царица
Среди деревьев городских.
Но молодость не повторится,
И не уйти от глаз людских.

Ей по ночам всё снится поле
Или поляна при луне,
И юности зелёной воля,
И лунный блик на валуне...

Но всё прошло.
Остался город
С бетонной крышей навесной
Да жажда света,
Словно голод,
Сосуций раннею весной.

За чистые рассветы впереди

Как часто мы к земле несправедливы,
Которая нас кормит и растит.
У нас на реки, на леса и нивы,
Как говорится, волчий аппетит.

Не потому ли усыхают реки,
И поредели тёмные леса?
Ведь нам нужна и в двадцать первом веке
Живой земли свободная краса.

Щёлк соловьиный и орлиный клёкот,
И щучий всплеск на утренней заре
Пусть потомкам скажут о далёкой,
Но зрелой человеческой поре.

Да будут освежающие грозы
И чистые рассветы впереди!
И если ты срубил одну березу,
То ей на смену десять посади.

Щенок

Он был лобаст и вислоух,
Смешной щенок по кличке Фомка,
И бегая во весь свой дух,
Играя, лаял громко-громко.

Его любила детвора
За нрав доверчиво-веселый,
И часто-часто со двора
Он провожал ребят до школы.

Потом, терпение храня,
Он их встречал у самой двери.
И в свете радостного дня
Он, как себе, мальчишкам верил.

Но вот однажды, в летний зной,
В предчувствии большого горя
Его с разбитой головой
Нашли у старого забора.

Ребятчи смолкли голоса.
Убийца кто? Попробуй вызнай.
Остекленевшие глаза
Смотрели в небо с укоризной.

Нам боль, как радость, не нова.
В душе — смятение и ломка..
Он был ни в чём не виноват,
Смешной щенок по кличке Фомка.

Вот и выпали снега
На широкие луга.

Речка скрылась подо льдом,
Принакрылся снегом дом.

В доме тихо и тепло.
В поле чисто и светло.

Свет морозный от луны
Навевает сердцу сны.

И скрипит под сапожком
Вечер новеньким снежком.

Нет, я не потерял свои права

Нет, я не потерял свои права,
И не в угоду умнику слепому
Я говорю обычные слова
О том, что верен я родному дому.

Нет, я не спорю с умником слепым,
Который от начитанности млеет,
Пускать слова и фразы, словно дым,
Он от житейской мудрости умеет.

С ним трудно спорить.
Он, пожалуй, прав.
И мыслей ход его предельно ясен.
И всё же, все премудрости поправ,
Я говорю спокойно:
«Не согласен».

Приятель мой, ты мудрый человек,
Ты видел жизнь, её порыв суровый,
И времени стремительный разбег
Тебя несёт вперёд,
Как ветер новый.

Но посмотри пронзительно вокруг.
Пусть ты много видел,
Много знаешь,
А вдруг ты ошибаешься, а вдруг
Чего-то в жизни ты не понимаешь,

И то, что выдаёшь ты за своё,
Заветное, как слово или дело,
Накаркало когда-то вороньё,
И до тебя случайно долетело.

Среди земных ошибок и удач,
Среди земных признаний и гонений
Есть плач, как смех,
И смех, как лёгкий плач,
И много, много затаённых мнений.

Прости меня за честные слова.
Конечно, в жизни этой всё не ново.
Нет, я не потерял свои права
На это недосказанное слово.

Байкал

Ослеплённый солнечным накалом,
Красотой небесной и земной,
Первый раз стою перед Байкалом,
И Байкал стоит передо мной.

В изумруде зелени курчавой
С ясной и глубинною водой
Он стоит спокойно-величавый
И седой,
И вечно молодой.

Трогаю волну его
Руками,
Но в душе не погасить огня.
Я беру на память только камень,
Остальное в памяти храня:
И дороги дальние, и тропки,
И седую зелень кедрача...
В синей дымке очертили сопки
Разворот байкальского плеча.

Свежестью овейна низина.
Это от заснеженной горы
Дальнее дыханье баргузина
Донеслось до самой Ангары.

Я стою у древнего Байкала,
И душа желания полна:
Чтобы вечно на земле плескала
Чистая байкальская волна.

В Сибири кончается лето

В Сибири кончается лето,
Уже порыжели леса,
А все же от яркого света
Невольно прищуришь глаза
И вдруг не заметишь, что осень
Явилась хозяйкой лесной,
И неба высокого просинь
Чиста и ясна, как весной.

В Сибири особые краски,
И ярче на солнце цветы.
И хочется песен, как ласки,
И хочется вновь красоты.
Чтоб все эти близи и дали
Понять и запомнить навек.
Неужто ценить мы устали
Свободную музыку рек?

В Сибири особые люди,
Они по-сибирски щедры,
Они поднесут вам на блюде
Тайги вековые дары.
Они понимают, что надо,
Как братство и светлую речь,
Как лучшую в мире награду,
Природу потомкам сберечь.

Пусть доброю будет примета:
Машинами лес не примят.
В Сибири кончается лето,
И кедры об этом шумят.

От любви моей небесной
До любви твоей земной
Шёл я далью неизвестной,
Молодой и озорной.

Было всё мне в жизни мило.
Я дарил тебе цветы:
На ромашках выходило,
Что меня любила ты.

И плескался свет прелестный,
И сиял передо мной
От любви твоей небесной
До любви моей земной.

Давай сегодня помолчим

Давай сегодня помолчим,
Сердца за нас доскажут сами,
А мы в мерцающей ночи
Сойдемся тёплыми глазами.

Ведь нам уже немало лет,
И юность наша отшумела,
Но сохранить тепло и свет
Она воистину сумела.

Пускай меж нами был разлад,
Как будто рушилась основа...
Но разве облетевший сад
Весной не зацветает снова?

Кто от любви неизлечим,
Тот знает жизнь под небесами.
Давай сегодня помолчим,
Сердца за нас доскажут сами.

Друзьям

Друзья мои,
о чем вы снова,
любимцы публики и жён?
Вот свет взволнованного слова
на ваших лицах отражён.

Вот все заговорили сразу,
опять, кто в лес, кто по дрова,
не договаривая фразу,
живые комкая слова.

В том – зависти колючий холод,
а в этом – зреющая месть...
Но с вами я богат и молод,
люблю за то, что все вы есть.

Нас на земле не так уж много,
умеющих слагать и петь.
Зачем же нам желать иного,
зачем нам попусту кипеть?

У нас прямое назначенье.
Друг другу мы, как свет, нужны.
Стихов звучанье и свеченье
над нами властвовать должны.

Друзья мои, пора по кругу,
как чашу полную вина,
любовь передавать друг другу
и пить по-дружески,
до дна.

Гуси (Песня)

Улетают гуси
в дальние края.
Полетел бы с ними
над землёй и я.
Полетел бы с ними
над землёй и я,
Только не пускает
русская земля.
Только не пускает
русская земля,
Рощи и тропинки,
где родился я,
Рощи и тропинки,
где родился я,
Где встречались
юность и любовь моя.
Улетают гуси
в дальние края,
Улетает с ними
молодость моя.
Гуси мои, гуси,
вы вернётесь вновь,
Только не вернётся
первая любовь.
Вы вернётесь, гуси,
в милые края,
Только не вернётся
молодость моя.

Тот счастлив,
кто умеет замечать
под серый вечер
утренние краски.
На нем лежит младенчества
печать,
а наши дни стремительны
и кратки.
С далеких дней
храню одну мечту:
хочу среди забот и потрясений
и в некрасивом
видеть красоту,
и в декабре
увидеть день весенний.

Женщине

Женщина,
благословенна будь.
Лучась душевно нежностью и светом,
с годами спорь,
как путник спорит с ветром,
когда шагами меряет свой путь.

Матери,
за вашу доброту
от всех детей – великое спасибо,
спасибо, что несете вы красиво
по жизни молодую красоту.

От колыбели до последних дней
нас руки женщин берегут, как могут.
Нас провожают женщины в дорогу
и ждут назад
с годами всё верней.
А мы спешим, а мы всегда спешим,
в иной рассвет дела и мысли целим,
и в женщине мы иногда не ценим
всю ласковость и женственность души.
И лишь потом,
уже в конце пути,
мучимые осознанной ошибкой,
приходим с запоздалою улыбкой
и говорим взволнованно:
«прости».
Прости мне, мать,
любимая, прости,
что был порою сух и равнодушен.
Вы мне нужны,
как птице воздух нужен,
чтобы рассвет на крыльях
вознести.

Весеннее

От белого к зелёному
 всё тянется душа,
От шороха до шелеста,
 до утреннего свиста.
И птицы бег по берегу,
 как бег карандаша
По белому к зелёному,
 где утренне и чисто.

Дует ветер в тонкую тростинку

Дует ветер в тонкую тростинку,
Тихо подражая соловью.
Память, как знакомую пластинку,
Снова ставит молодость мою.

Улицами солнечного быта
Бегают блестящая игла.
Мелочь никакая не забыта –
Память осторожно сберегла.

Падает мелодия простая,
Светятся нехитрые дела.
Вдруг, из ниоткуда вырастая,
Прошлое расправило крыла.

Видится мне первое свиданье.
Слышится далекое: «Пиши...»
Годы донесли, как ожиданье,
Тёплое дыхание души.

Гнётся и качается тростинка,
Не смолкает песня соловья.
Не кончайся, милая пластинка.
Продолжайся, молодость моя.

Молодость моя идет на убыль

Молодость моя идет на убыль,
Уплывает молодость моя.
«Ты куда же, – тихо шепчут губы, –
Ты в какие дальние края?»

На вопрос она не отвечает,
Уплывает по озерам лет.
Только сквозь деревья излучает
Голубой неповторимый свет.

В этом свете жизнь моя проходит,
Полная удач и неудач.
В мае мы не думаем про холод,
В радости – не говорим про плач.
Лишь порой тревожно вдруг и смутно
Колыхнётся в глубине души,
Словно молодости голубое утро
Выдохнет короткое: «Спеш!»

Вдруг открою истину простую:
Жизнь – мгновенье.
Что я натворил!
Сколько дней растратил я впустую,
Сколько слов впустую говорил.

И теперь, припоминая это,
Я себя за прошлое кляню.
Мне бы жизнь прожить, как птице лето,
Как Чайковский жил в своем Клину...

У меня ни Клина нет, ни дачи.
Есть одна зелёная земля.
Пожелай мне, молодость, удачи
И плыви в далёкие края.

Многое еще я сделать должен.
Жизнь моя трудом напряжена.
Будет путь мой по земле продолжен,
Мне твоя уверенность нужна.

Потому прошу тебя, как друга,
Не забудь, что на земле живу.
Если будет в жизни очень туго,
Я тебя на помощь позову.

Перед дорогой

Деревья милые, прощайте.
Я не нарушу ваш покой,
С вагонной медленной площадки
Я молча вам махну рукой
И укачу по синим рельсам
От теплых яблонных ветров
Туда, где я когда-то грелся
На гулкой станции метро...

Мой старый клён,
Ты не досадуй.
Береза, слышишь? – не грусти,
Не провожай меня из сада
И веточками не хрусти.
Ведь я вернусь,
Ведь я приеду,
Как только позовете вы,
И привезу вам по привету
От доброй матушки-Москвы.

Раздумье

Легко ли груз молчания нести,
Не расплескав ни капли из сосуда?
Но стоит только руки развести –
И разобьётся хрупкая посуда.

И зазвучат знакомые слова,
Что накопила медленная память,
И зелень засветится трава –
Железом неподрезанное пламя.

И потечёт раскованная речь,
Как в берегах взволнованная речка.
И прошлого тогда не убережь,
Оно сгорит, как тоненькая свечка.

Дохнёт июнь – затеплятся слова.
Дохнёт в лицо январская остуда –
И вновь отяжелеет голова,
И станет жаль разбитого сосуда.

Прости

Прости.
Не надо беспокоиться.
Иду в седую пелену.
Зелёный сумрак за околицей
Ведёт ленивую луну.
Прости.
Не потому, что поздно,
Не потому, что виноват.
Прости, что улыбался постно
И говорил не те слова.
Прости,
Что вновь ушёл из дома,
Твоих надежд не оправдав.
А надо мною так знакомо
Тревожно стонут провода.
Мне далеко еще до цели
Свой груз немеренный нести.
И я боюсь –
Ты не оценишь
Моё прощальное «прости».

Мечтала девочка о многом,
Любила девочка цветы,
Но растеряла по дорогам
Свои прекрасные мечты.

Она заметить не успела,
Остановиться не смогла,
Как детство шумно пролетело,
Махнув крылом из-за угла.

Мечтала девушка о многом,
Хотела девушка любить,
Но оборвалась за порогом
Любви натянутая нить.

Она заметить не успела,
Остановиться не смогла,
Как юность тоже отшумела,
У глаз морщинками легла.

Мечтала женщина о многом,
Растила тихо сыновей,
Но пел прощально и недолго
Её последний соловей.

Она заметить не успела
И оглянуться не смогла,
Как половица заскрипела,
И старость в горницу вошла.

Идут слова

Идут слова.
Куда они идут?
А путь их начинается
От сердца.
И может, с нетерпением
Люди ждут,
Чтоб их теплом
Доверчивым согреться.
Чем больше в них
И света, и добра,
Тем дольше жизнь их
На земле продлится.
Горят слова души.
Так у костра
Освещены огнём
Сердца и лица.

И каждый день
Слова уходят в путь,
Как в бой идут решительно
Солдаты.
И если многих слов
Нам не вернуть –
Мы сами в том, пожалуй.
Виноваты.

Я был у Пушкина

Я был у Пушкина
На Мойке
Сто сорок лет тому вперёд.
Ах, что ж глаза мои намокли,
Какая боль меня берет!

Здесь жил поэт,
Мечтал и верил,
Любил,
Смеялся и грустил,
И на часы минуты мерил,
И тихо веки опустил.

Пуста гостиная,
И долго
Молчат старинные часы.
Позор и честь,
И чувство долга
Ложатся грозно на весы.

«Жизнь кончена...
Теснит дыханье...»
В расцвете сил,
В расцвете дней.
И только света колыханье,
И колыхание теней.

Остановился
Почерк быстрый.
Стремительный
Прервался шаг.
И в тишине
Морозный выстрел
Еще звучит
В моих ушах.

Встреча

Вы улыбнётесь надо мной,
Но в ритме музыки негромкой
Вчера под снежной пеленой
Я встретил Блока с Незнакомкой.

Всё было буднично вполне:
Он и Она – простое дело,
Но что-то нежное во мне
Заколыхалось и запело.

Она и Он.
Я их узнал.
И для меня открылась тайна.
Весны далекой новизна
Опять нахлынула случайно.

И я забыл свою печаль.
Свою суровую дорогу.
И жизни явная печать
Во мне размылась понемногу.

Живого времени черты
Растаяли и отлетели.
Запели белые цветы
Среди мороза и метели.

Лебединая песня свободы

В. Н. Соколову

Вот и всё.
Ничего не случилось.
Пролетела последняя ночь.
Ты жалеть и беречь научилась,
Но любить тебе, видно, невмочь.

Пролетели мгновенья, как годы.
Прошумели, как ветер, слова.
Лебединая песня свободы,
Как и жизнь на закате, права.

Мы напрасно себя торопили,
Забывая о прошлом пути,
И в мелькании мыслей забыли:
От себя никуда не уйти.

Вот и всё.
На холодные воды
Голубая надвинулась тень.
Лебединая песня свободы
Обещает загадочный день.

Родина

О, Родина, песня на воле,
Зелёные крылья лесов,
Широкое русское поле
И вечности утренний зов.

О, Родина, красное солнце
Над ширью весенней земли.
Ликующим ливнем прольётся
Высокая синь в ковыли.

О, Родина, близкие дали
С прожилками синими рек –
Земля, что Россией назвали,
И сущий на ней человек.

Я сам себя переиначу

Я сам себя переиначу,
Хотя до ужаса боюсь.
Где все смеются, я заплачу,
Где плачут все, я засмеюсь.
И всё пойдет не так, как было,
В холодном я сгорю огне.
Мне станет чуждо всё, что мило,
И мило всё, что чуждо мне.
Я сам любимую оставлю,
Любви разрушив этажи,
И нелюбимую восславлю
Словами ласковыми лжи.
Заброшу я стихи и прозу,
И станет скверен мой язык.
Я по сыпучему морозу
Уйду, ничтожен, но велик.
Забуду прошлое, как лица
Друзей и близких имена,
И долго-долго будет длиться
Во мне немая тишина.
Но грянет гром,
Ударит ветер,
Взорвется
Купол голубой.
Проснусь однажды на рассвете
И стану вновь
Самим собой.

У моря

У теплого моря,
у самой воды
Вчера я оставил
случайно следы.
Сегодня пришёл,
а следов уже нет,
Лишь море, да берег,
да утренний свет.
Нас море врачует,
на волны маня.
О, сколько людей
здесь прошло до меня.
Под солнечным небом,
у этой воды
Уж многих и многих
пропали следы.
Я завтра уеду,
по дому в тоске,
И снова оставлю
следы на песке,
Но их равнодушная
слижет волна,
И снова загадочно
выйдет луна
И глянет спокойно
на берег морской.
Но ей не понять
нашей жизни мирской.

Ничего-то мне в жизни не надо,
Кроме неба, земли и воды,
Кроме доброго слова и взгляда,
И над Родиной тёплой звезды.

Остальное я сам приумножу
На воде и в зелёном лесу,
И свою богатырскую ношу
До высот и глубин донесу.

Проложу молодые дороги,
Возведу в поднебесье дома,
И окрепшие руки и ноги
Вдруг почувствуют силу ума.

Ничего-то мне в жизни не надо,
Кроме вечной любви и весны.
За окном золотая прохлада
Навевает счастливые сны.

А душа ни печальна, ни рада,
Всё моё остаётся со мной.
Ничего-то мне в жизни не надо
На земле кроме жизни самой.

Песня русская

Александру Крепких

Песня русская,
где ей начало –
в чистом поле иль в чистой душе?
Пролетела во мне,
прозвучала,
словно ветер живой в камыше.
Посмеялась со мной,
погрустила
и пощёлкала, как соловьи,
и на плечи мои опустила
лебединые крылья свои.
Пролетела от края до края
и вернулась в родные края
то возвышенно неземная,
то до ласковости своя.
Песня русская,
то не чудо ль
уродилось в земной тиши?
И люблю я её за удаль
и за тонкость её души.
Пела мать мне,
меня качая,
пел мне с детства её
отец...
Песня русская,
где ей начало?
Песня русская,
где ей конец?

Разлука

Вот и пришла она – разлука
И властно за душу взяла,
Как боль зубная или мука
За наши грешные дела.

Осталась ты, а я уехал.
За днями потянулись дни.
Мне голос твой далёким эхом
Звучит мелодии сродни.

Сквозь расстояния земные
Тебя я вижу наяву
И, ожидая дни иные,
Тем ожиданием живу.

Живу тобой, дышу тобою,
Как незапамятной весной,
И нашей общею судьбою,
И нашей памятью одной.

Связь

Словно в детстве,
забыв про усталость,
я бегу по траве босиком.
Мне еще эта радость осталась –
поиграть на бегу с ветерком.

Надо мной – голубень без предела,
подо мной – молодая трава.
Никакого особого дела,
и светла, и свежа голова.

Босиком по траве –
что за сладость!
А навстречу – дочурка, смеясь.
Видно, это великая радость –
с миром утренним чувствовать связь.

Всё движется,
Вращается Земля,
Бежит вода,
Шумит в деревьях ветер,
И бег коня,
И звонкий лёт шмеля
Подчинены движению на свете.

Нет без движенья жизни на земле,
Как нет её без воздуха и света.
Как нет листвы трепещущей без лета,
Как нет росы холодной на золе.
Движенье дней
Стремительно вперед,
Планет и мыслей вечное движенье –
Не мёртвое природы отраженье,
А жизни неоконченный полет.

По жилам кровь пульсирует во мне,
А в небе –
Быстрых ласточек круженье...
И в грохоте ракет,
И в тишине –
Везде и всюду
Властвует движенье.

Ты говоришь,
что осени не рад,
а я люблю
осенний листопад.
Меня, как песня,
за душу берёт
и рыжий холм
с зарею за плечами,
и нагота
молоденьких берёз
среди картин торжественной печали.

Уже восток от солнца языкат,
и тянутся на юг
крикливо гуси.
Настраивает ветер-музыкант
унылых проводов
тугие гусли.
И ни о чем пространство не моля,
свободно пробуждается земля.

На юге

Выйду и у моря постою.
Шорох волн задумчиво послушаю,
А припомню родину свою
Маленькую, но для сердца
Лучшую.
Выйду и уйду под небеса,
Где соседят пальмы с кипарисами,
А припомню русские леса,
Небеса российские с капризами.
Винограда матовая гроздь
Дразнит мне воображенье спелостью.
Что поделать – здесь я только гость
Весь с провинциальной несмелостью.
Моря ширь и солнечная высь —
Красота земная бесконечная...
Мне понятны эти даль и близь,
И тоска по родине извечная.
Видно, потому и не могу
Долго жить вдали от места родного,
От росы на утреннем лугу,
От берез у ручейка холодного...
И опять под мерный шорох волн,
Где заря вечерняя сиренева,
Слышится мне отдаленный звон
Ручейка
на родине Тургенева.

Жизнь на ощупь кажется тонка.
Только в каждой тонкости разборчивы,
Мы горим, поэты и рабочие,
У штурвала или у станка.

День опять прошёл,
И ночь черна,
Но в груди горит
Огонь азарта.
Я уже не тот,
Что был вчера,
Но еще не тот,
Что буду завтра.

Дожди

Они идут по крышам
Властно,
Однообразием дразня.
На сердце
Пасмурно и влажно,
Как будто старые друзья
Меня оставили
Навечно
В унылой
Слякотной глуши,
Как будто временем
Намечена
Такая песня для души.
Вдали дороги
Зачернило,
А я пишу себе, пишу
И молчаливые чернила
Сдружить с бумагою спешу
Душе скучающей в угоду,
В угоду долгому дождю...
Я даже в эту непогоду
Кого-то неизменно жду.

Тополиный пух

Тополиный пух
порошит глаза.
Стороной прошла
над землёй гроза,
а погожим днём
выйдешь на крыльцо, –
словно тёплый снег,
пух летит в лицо.
Широко кругом и
светло вокруг.
Порошит глаза
тополиный пух.
Было так до нас,
будет и потом.
Тополиный шум
на ветру крутом,
Молодой июнь,
зелена трава,
по лугам, лесам
всё ищу слова
и хочу сказать
про себя и вслух:
порошит глаза
тополиный пух.

Аллеи Спасские, спасите
Меня от праздной суеты.
За всё прошедшее спросите
С меня, деревья и кусты.

Времён связующие нити,
Истоки света и огня,
Прошу, как встарь,
Благословите
На всё грядущее меня.

Апрель

Едва проклюнулась трава,
Как долгожданная примета.
Пробились нежные слова
В наплыве утреннего света.

Руки

Мне руки даны для работы,
А слово для песни дано,
А песня дана для свободы.
Которая льется в окно.

Поздние птицы

*Стихотворения разных лет,
не вошедшие в сборники*

Пора любви и листопада

Когда приходит к нам пора
Большой любви и листопада,
Мы ждём тепла или добра,
Или участливого взгляда.

Ещё денёчки горячи,
Высок зенит в спокойном свете,
Но вдруг
 поймаются лучи
В седые облака, как в сети.

И паутинки тонкой нить
От ветра лёгкого порвётся,
Её концов соединить
Нам никогда не удаётся.

Надежды голос нас ведёт,
Как будто вечность обещает,
Но ни теперь, ни наперёд
Ошибок горьких не прощает.

А жизнь до самого конца
Огню, воде и небу рада,
И согревает нам сердца
Пора любви и листопада.

1987

Поздние птицы

Поздние птицы летят на ночлег,
Путают путь им и ветер, и снег.
Добрые птицы в спящем снегу
Ищут деревья знакомого сада,
И надрывается в сердце досада,
Что я помочь им ничем не могу.

Чёрные птицы и белая мгла.

Криком встревоженным

высь оглашая,

К цели своей пробивается стая,
Бьются по снежному ветру крыла.

И за упорство

внизу,

как награда,

Старые ветви знакомого сада.

Жизнь продолжается!

Ветер и снег.

Поздние птицы летят на ночлег.

В наш дом ударила «фугаска»,
И вспыхнул он, как сена стог.
Глядела бабушка с опаской,
Как с шумом падал потолок,
А мать металась с громким плачем,
Она спасала нас, детей.
Из нашей комнаты горячей
Мы выбегали в темноте.
Гудело пламя с лёгким треском,
Лизало стены и углы,
Летели в небо занавески,
И словно острием иглы
Кольнуло маме болью в сердце,
Катились слёзы по щекам.
Мне и теперь ещё не верится,
Что в дом наш не вернуться нам.

1955

Своя походка

У каждого
Своя походка
И речь своя,
И голос свой.
Один плывёт –
Ну чем не лодка,
Другой, как ветер полевой,
Бодрит, уверенность вселяет,
А третий –
Словно метеор,
Свой пыл на ветер распыляя,
Летит всему наперекор.
Я – дел кипучих одногодка,
Хочу в поэзии идти
Своей уверенной походкой,
Не изменяя ей в пути.

1955

Ночь

В прозрачной зелени раки,т,
В тиши, при бледном лунном свете,
За день уставший, тихо спит
В ветвях запутавшийся ветер.
Молчит природа над Окой,
Лишь сонно квакают лягушки,
Пугая чутких птиц покой
В садах соседней деревушки.
Мерцают звёзды в вышине.
Они всегда полны величья.
И в этой сонной тишине
Вдруг зазвенела песня птичья.
Иду по тропке не спеша,
Касаюсь пальцами росы я.
Она и ночью хороша –
Моя цветущая Россия.

1955

Матери

Не берусь я считать,
Сколько горестных бед
На судьбу твою трудную выпало.
Только вижу её неисчезнувший след –
Твои волосы снегом присыпало.
И в глазах твоих нет молодого огня,
Мне хотелось бы снова с ним встретиться.
Ты сегодня с улыбкой глядишь на меня,
А глаза твои горестью светятся.
Я хочу, и другого желания нет,
Заглушить в твоём сердце рыдания.
Пусть зажжётся в глазах твоих юности свет
За заботы твои и страдания.

1958

Ленинский мост

С настилом асфальта, чугунный,
Своею конструкцией прост,
То светлый от солнца, то лунный,
Над Орликом выгнулся мост.
Идут по нему пешеходы,
Трамваи по рельсам звенят,
Надёжный в любую погоду,
Открыто встречает меня.
Скрепив берегов шумных дружбу,
От бед охраняет свой пост,
Несёт бескорыстную службу
Над Орликом Ленинский мост.

1958

Уймись, душа,
Ведь юность отщумела,
А продолженья не было и нет.
Ты у меня любила, как умела,
Ты, как умела, излучала свет.
Теперь настали солнечные годы,
Приходит ясной зрелости пора.
Чем ярче день, тем голубее воды,
Тем больше в жизни света и добра.

Пора и нам задуматься о прежнем,
Чтоб в будущее пристальней взглянуть,
И в океане шумном и безбрежном
Продолжить свой незавершённый путь.

Но вдруг
На повороте встрепенуться
И осознать до глубины души,
Что не вернуть уже и не вернуться,
Как ни желай ты,
Как ты не спеши.

И только путь останется единый,
Неповторимый, как ты ни крути,
Туда, где и морщины, и седины
Поведают о прожитом пути.

Развезло осенние дороги,
Трудно выйти на большак,
В серой глине долго вязнут ноги,
И тяжёл усталый шаг.

Вот она – знакомая деревня
В семь домов да восемь хат.
Старые шумливые деревья
Потянулись на закат.

На полях от туч ползущих тени,
Голубые столбики дымов.
Телевизионные антенны
Буквой «Т» над крышами домов.

Петухи кричат, перекликаясь,
И коровы мудрые мычат.
Вот она – далёкой жизни завязь
Городских парнишек и девчат.

Тянется на юг пернатых стая.
Роца в догорающем огне,
Но ещё горит, не угасая,
Добрый свет
в окне.

Памяти Дмитрия Блынского

В стороне далёкой или близкой
Буду помнить много-много лет:
Жил на белом свете Дима Блынский –
Русский замечательный поэт.

Был он молодым и голосистым,
Пел Россию – сердцу милый край,
Голосом возвышенным и чистым
Пробуждал в душе любовь и май,

Всем делился – грустью и весельем,
В песне был по-своему хорош.
Не своим ли обликом весенним
Был он на Есенина похож...

Но была недолгою дорога
Жизни у поэта на веку.
Видно, слишком трепетно и много
Сердца гнал в горячую строку.

В стороне далекой или близкой
Буду помнить много-много лет:
Есть на белом свете Дмитрий Блынский
Русский
замечательный поэт.

Ливны

И снова я в городе Ливны
Над Ливенкой и над Сосной,
И мысли светлы и наивны,
и воздух наполнен весной.

И снова просторные дали
Я вижу за русской рекой,
Как будто они меня ждали,
В душе поселив непокой.

Я вижу знакомые лица.
Давно мне близка и мила
Далёкой округи столица –
Подруга родного Орла.

Здесь воздух историей дышит
И свежестью лип молодых.
И ветер апрельский колышет
Вершины деревьев седых.

Мой путь – и короткий, и длинный,
Давно моя юность прошла,
Но город с названием Ливны
Люблю я не меньше Орла.

Голоса

Из шума, которым бушуют леса,
Приходят ко мне, как друзья, голоса.
Я их понимаю, я их узнаю,
Я их принимаю, как юность мою.

Я эти строки не придумал,
Они невольно родились,
Как будто свежий ветер дунул,
Как будто вдруг слова слились
В одно единое начало
Судьбы и вашей, и моей,
Как будто речка зажурчала,
И вдруг защёлкал соловей.

Холодное дыхание небес.
Пушистый снег летит над головами
Пусты поляны,
и спокоен лес.
Душа полна
хорошими словами.

Синиц мельканье
и знакомый свист
Среди ветвей
заснеженного леса,
Но жёлт еще
резной дубовый лист,
А ель-старуха
молодо-белеса.

Белым-бело от снега и берёз.
Улётся у стволов
бродяга-ветер...
Глядишь кругом
и думаешь всерьёз,
Что ты
один
на этом белом свете.

Море

А море, действительно, дышит,
Вздыхает и шепчет оно,
Играючи, лодки колышет,
Понятное людям давно.

Приди вечером и послушай,
Тихонько постой и поймёшь
И небо, и воду, и сушу,
Морскую глубинную душу,
Которую морем зовёшь.

Замедли шаги у причала,
Вглядишься в неоглядную синь
И всё, что тепло излучало,
Ты взглядом и мыслью окинь.

Есть небо и суша, и воды,
И зелени пышной краса...
Но море – стихия свободы –
Играет на все голоса.

В широком размахе прибоя
Ему вдохновенье дано.
То синее, то голубое,
Смеётся и плачет оно.

Берег крут,
и тропинка узка и длинна,
и вода холодна и прозрачна,
как мысли.

Позади, впереди – никакая вина,
только тучи, в воде отражаясь,
нависли.

Ах, вы, тучи мои – не мои, не беда,
что вода холодна.

Ведь упруга походка.
Но стучит, словно сердце,
о берег волна,
и зачем, не пойму,
опрокинута лодка?

Кавказ

Вот я у ног твоих, Кавказ.
Давно поэтами воспетый,
Ты вновь, как будто напоказ,
В леса кудрявые одетый.
Стою и думаю о том,
Что вечен ты, как небоечно.
На гребне века золотом
Людское время быстротечно,
А ты стоишь, как исполин,
Под молодыми облаками,
С крутыми чашами долин
И думу думаешь веками.
О чём задумался, Кавказ,
Свидетель славы и раздора?
Какой таишь в себе наказ,
Чтоб уберечь нас от позора
Ненужных распрей и обид,
Мелькания души и тела?
О чём душа твоя скорбит,
О чём она сказать хотела?
Уже настал желанный день,
День без раздора и обмана,
И на челе твоём не тень,
А синь вечернего тумана.
Вот я у ног твоих, Кавказ,
Скажи, чтоб слышала округа.
Мне будет песней твой рассказ,
Мне голос твой, как голос друга.

Поэт

Он был рождён для славы и труда.
Его душа пылала вдохновеньем.
Его любви высокая звезда
В ночи горела трепетно мгновеньем.

Он был рождён для смерти. И когда
Она однажды стала у порога,
Он тихо умер.
Дрогнула звезда
И медленно упала на дорогу.

Другие звёзды светятся во мгле.
Упавших звёзд увидеть невозможно,
Лишь свет от них струится на Земле
То радостно,
То грустно,
То тревожно.

Спит село

Спит село под снежными мехами
И вздыхает,
 старое,
 во сне.
С петухами спит
 и с женихами,
С думами о будущей весне.
Спит село.
Ему, наверно, снится
Тёплый май,
 на зелени – роса,
И селян улыбочивые лица,
И селян родные голоса,
Детвора шумливая у речки,
На воде – весёлое весло...
Словно дед, ворочаясь на печке,
Спит под снегом
 русское село.
На заре
 его петух разбудит.
От колодца до колодца – звень.
Знают все, что нынче снова будет
Трудный,
 но благословенный день.

Шофёр

Нет, не проходит жизнь его впустую,
За временем он едет по пятам
И напевает песенку простую
О том, что «нынче – здесь, а завтра – там».
Ему знакомы многие дороги,
Он любоваться русским краем рад:
То берег пробежит вдали отлогий,
То проплывёт в цветах колхозный сад.
Машину водит он легко и ловко.
Шофёр в пути и в холод, и весной.
Шофёра снова ждёт командировка,
И снова расставание с женой.
Пускай ему и не приносит славу
Его работа – кочевая жизнь,
Но всё-таки она ему по нраву,
Она его стремление и высь.

Круговорот

Март переплыл в апрель,
Апрель стремится к маю,
Вода и высь – одной голубизны,
И шапку я взволнованно снимаю
Перед приходом этой новизны.

И каждый год случается всё это,
Но каждый миг по-своему хорош.
А там уже не за горами лето,
Шумит листва, и колосится рожь.

А там уже и осень на пороге,
И с первым снегом смешивая лист,
Колючий ветер гонит по дороге
Осенний холод и предзимний свист.

А там зима, метелями играя,
В дремоту всю природу обратит,
Но тёплый образ солнечного мая
До каждого кусточка долетит,

И снова март переплывёт в апрель
Апрель весёлый устремится к маю,
И ранних птиц заливиная трель
Прольётся по разбуженному краю.

Встреча с детством

И сегодня, друг мой, мне всё кажется,
Что по детству мы с тобой идём,
Что сажаем мы у школы саженцы
И весною мокнем под дождём.
Мы с тобой совсем случайно встретились
Возле дома, где у трёх берёз
Ветви до земли до самой свесились,
И в тени деревьев – старый пёс.
Над домами летний вечер плавился,
Да перекликались петухи.
– Говорят, что ты уже прославился,
Пишешь настоящие стихи? –
Ты спросил, на облака горящие,
На меня с хитринкой поглядел.
– Да, пишу, пока не настоящие,
У меня без них хватает дел.
Ну а ты, работаешь иль учишься?
– На заводе токарем уже.
С непривычки, правда, так измучишься –
Ничего не хочется душе...
Смотрят понимающе прохожие
На обеих – не понять нельзя,
Что у дома встретились хорошие
Старые знакомые, друзья.
Мы с тобой ушли в воспоминания,
Вспоминали школьные грехи,
Я тебе с особенным старанием
Прочитал последние стихи.
А когда в тиши над далью зыбкою
Месяц молодой затеял пляс,
«До свиданья» ты сказал с улыбкою
И сердечно руку мне потряс.
Ты ушёл. А мне всё время грезилось
В яркости вечернего огня:
Это детство мне сегодня встретилось
И опять покинуло меня.

В спокойном свете позолоты
Увидишь осени следы:
В полях осенние работы,
В садах тяжёлые плоды.

И паутина, как примета,
О том сегодня говорит,
Что скоро, скоро бабье лето
Своим румянцем отгорит.

Я надену старые штиблеты,
Я куплю дешёвые билеты
И конфет любимых полкило,
И пойду с любимой в кино.

Если же она идти откажется, –
Ей смешным мой этот вид покажется, –
Сердцу я скажу: – Ты не сгорай!
Съём один любимые конфеты,
Изорву дешёвые билеты,
А штиблеты выброшу в сарай.

Иван по деду и отцу

Поправил шапку, улыбнулся:
– Иваном Маленьким зовут.
На днях из армии вернулся.
Да что особенного тут...
Служил, как все,
хранил присягу,
своё Отечество берёг,
всегда вперёд,
назад ни шагу.
Пораньше встал,
попозже лёг.

– А почему Иван да Малый?
– Иван – по деду и отцу,
а Малый – ростом неудальи,
хотя был в роте запевалой,
а запевалам всё к лицу.
Идём, бывало, мы с учений,
а на земле тепло и май.
В ученьях тяжко от мучений,
а старшина нам: «Запевай!»
И начинал я – запевала,
а рота целая – за мной.
Нас вся округа понимала,
а, может, даже шар земной.

– Скажи, Иван, в родном колхозе
теперь ты вроде на виду.
Горишь румянцем на морозе,
снегирь на утренней берёзе,
со всеми братьями в ладу.
А братьев много?

– Пять.
Да Маша – сестренка младшая моя,
вернее, не моя, а наша,
а в общем – полная семья.

А братьев пять: Сергей, Никита,
Борис, Василий и Андрей.
Семья ничем незначительна
пока
историей своей.
Отец кузнец, а мама наша –
она и в поле и в дому.

– А есть ли девушка?

– Наташа...

Да это, ладно, ни к чему.
Сперва хочу определиться,
Чтоб не шатало на ветру,
А после можно и жениться,
чтоб легче пелось поутру.

– Скажи, Иван, ты был танкистом,
а кем теперь ты хочешь стать,
Чтоб в небе звездочку достать?
Наверно, скажешь, – трактористом?

– Да нет,
другое есть начало,
как говорил наш старшина.
Я был хорошим запевалой,
судьба иная мне дана..
Хочу поехать я учиться
в далекий город на певца,
чтоб слушала меня столица
за мать мою и за отца.
Поймут меня братья и Маша,
отец и мать, и весь народ,
вот только гордая Наташа
меня, наверно, не поймёт.
Её из нашего колхоза,
видать, не вытянуть силой.
Она, как тонкая береза
за нашим утренним селом.
Она учительница в школе
и лучшей не желает доли...

– Ну, что ж, Иван, мечта понятна:
певцу и слава, и почёт,
и сбыться может, вероятно,
у тех, кого она влечёт.
А кто же здесь,
в глубинке этой,
давно поэтами воспетой,
землицу вспашет по весне,
хлеба посеет и поднимет
и, вырастая вместе с ними,
сыновний долг отдаст стране?
Давай, Иваныч,
как бывало
в строю солдатском в тёплый май,
давай, товарищ запевала,
земную песню запевай.

Спешим, волнуемся, хлопчем
И снова устаём спешить,
Как будто можем между прочим
Две жизни разные прожить.

А жизнь одна, куда ни топай,
Она над каждым свет прольёт,
И не о том ли старый тополь
Шумит весь вечер напролёт?

Купол голубого торжества.
Время дней состарить не сумело,
Первая осенняя листва
Говорит, что лето отшумело.

Сердце понимает наперёд –
Час последний солнышка не пробит.
Золотистой осени черёд
Наши дни зелёные торопит.

Росами поляны серебра,
Ожидая праздник свой по году,
Молодое утро сентября
Обещает ясную погоду.

Когда ещё опята спят,
А лес молчит задумчиво,
Мы соберём с тобой опят
В местах родных за Думчино.
Поищем ягоду в кустах
За тонкой паутиной
И залюбуемся в лучах
Знакомою картиной.
Попьём воды из родника,
Присядем по привычке
И поспешим издалека
На голос электрички.

Вчера был дождь,
И гром вечерний
На всю округу рокотал,
Как будто в мире увлечений
Он людям нервы щекотал.
Сегодня тихо и открыто,
Что даже слышно за стеной,
Как капля в полное корыто
Слетает с крыши голубой.

Новый год

Ель-старуха скрипнула в лесу,
Скрипнул снег
 у лося под ногами,
Зацепил он зимнюю красу
На ветвях
 могучими рогами.

Зазвенели звёзды в небесах
Голубым и нежным перезвоном,
И метнулся в сторону русак,
И порхнула белочка по кронам.

Лунным светом залито село,
Город в облаках электросвета.
Накануне снегу намело –
Будет лето добрым, по приметам.

За окном морозная пора,
Все часы земли шагают в ногу.
Старый год уходит со двора,
Уступая Новому дорогу.

Говорит: «Я сделал, что успел.
Твой черёд продолжить и умножить.
Мир сберёг, немало песен спел,
Есть, что на досуге подытожить».

Отвечает младший: «Я готов
Одарить всех музыкой цветов,
Этот мир беречь и день и ночь,
Бедному и слабому помочь,
Отодвинуть старость и беду,
Зло пресечь, найти к добру дорогу.
Позову всех братьев на подмогу.
Я готов. Я должен. Я иду!»

Колокольцы звёздные луны
Отозвались тихо с вышины,
Ель-старуха скрипнула во сне,
На своём веку считая кольца.
И подумал заяц о весне
Под морозный голос колокольцев.

Столбы

За Орликом дороги полевые
От сумерек вечерних голубы,
А вдоль дорог, как будто часовые,
Стоят высоковольтные столбы.
Ребристые, из потемневшей стали,
Они по полю развернули фронт,
И по просторам ясноглазой дали
Уходят за далёкий горизонт.
Когда подует сильный ветер близко,
Гудят высоковольтные столбы,
А тучи, проползающие низко,
Об их вершины разбивают лбы.
Сюда приходят смелые мальчишки,
Взбираются на эту высоту,
Чтобы увидеть с поднебесной вышки
Родных полей простор и красоту.

Природа человека наделила
короткой жизнью.
Хочется успеть
увидеть всё:
как бьются в берег реки,
и как литейщик выплавляет медь,
как летом ночь окутывает тьмой
родной простор и навеивает сон.
Люблю я нашу радостную землю,
которой много лет назад рождён.
По вечерам её я звукам внемлю
и слушаю, как прорастает рожь.
Не оттого ли полюбил я землю,
что ты на ней, любимая, живёшь.

Я снова дома!

По Орлу

Иду взволнованно с вокзала.
Соседа дочка на углу
Мне тихо «здравствуйте» сказала.
А я её и не узнал.
Была девчонка неизвестна,
Теперь на улице она,
Наверно, первая невеста.
Глядит застенчиво она
И улыбается чему-то...
И засветилась глубина
В глазах девичьих в ту минуту.
Я ей кивнул издалека
И зашагал с улыбкой к дому...
Ракиты, сад, а там – река,
Как сердцу это всё знакомо.
Давно я не был в том краю,
Где промелькнуло детство вспышкой,
Где песню первую свою
Я спел ровесникам-мальчишкам.
Орёл – заветные места,
Сады шумливые окраин,
Ракит заречных густота, –
На много лет я с ними спаян.
Пускай бросает жизнь меня
По всем краям, по всем тревогам.
Меня всегда рассветом дня
Зовёт на родину дорога.

Памяти Василия Орлова

В последний день
или в последний вечер,
вдруг осознав земное бытие,
не веруя в загробное житьё,
я повторяю старое своё:
– Василий Александрович,
до встречи.

Какая тяжесть давит нам на плечи
за годы те, что на земле живём, –
шумящий дождь над утренним жнивьём,
или синица в небе журавлём,
или друзей злопамятные речи?

Но мчатся дни – грядущего предтечи,
нам предвещающая новую зарю.
За встречи в жизни
Вас благодарю
и потому сегодня говорю:
– Василий Александрович,
до встречи
в последний день
или в последний вечер.

Ходите по Орлу пешком,
хрустя песком или снежком,
где жили Бунин и Лесков,
где были Гоголь и Толстой...

Иду по улице пустой
и вижу: мне навстречу снова
идет, знакомый и седой,
Тургенев с круглой бородой –
волшебник музыки и слова.

Вот здесь Ермолов-генерал
в опале царской доживал
свой век.
А тут ходил Якушкин,
и молодой и дерзкий Пушкин
на этой улице бывал.

Ряды и Красный мост за ними,
на пьедестале – грозный танк,
как голос памяти ранимый
в порыве жизненных атак.

Тут Курских улиц суета,
Пушкарных улиц там забота,
и вырастает высота
Сталепрокатного завода.

На этом месте умирал
уралец Гуртьев-генерал
в том сорок третьем
за свободу.

Крутого времени следы, –
Оки и Орлика теченье,
огни Веселой слободы,
окраин млечное свечение.

Орел и вдоль и поперек
родной и близкий,
как дорога,
знакомее из всех дорог,
как радость отчего порога.

Хрустя снежком или песком,
ходите по Орлу пешком –
он вам расскажет
очень много.

Бабушка Алёна

Дед Матвей покашливает сухо,
Слеповато щурится на свет:
– Летось померла моя старуха,
Без неё и мне, чай, жизни нет...
Ах ты, бабка, бабушка Алёна,
Знать такая у тебя судьба.
Первая ушла под ветви клена,
И осиротела вся изба.
Ты теперь не слышишь и не видишь,
Деда ни за что не укоришь,
На крыльцо тесовое не выйдешь
И певуче не заговоришь.
Ах ты, бабка, бабушка Алёна,
Я спешил, да больно опоздал.
Видно, в летнем мареве зелёном
Слишком тихо ходят поезда.

Дед Матвей покашливает сухо,
Гонит набежавшую слезу:
– Что же это я, едрёна муха,
Поразговорился, как в лесу.
Ты давай-ка, чай, устал с дороги,
Подвигайся к этому столу...
Из угла глядят печально боги.
Пыль и грязь на крашеном полу.
Пьём, а на душе, как в горле,
горько,
И ничем ту горечь не залить.
Паутинкой вьётся над пригорком
Чистых дней оборванная нить.

И всю ночь я видел удивленно,
Словно сквозь зелёный дым раки:
На пороге бабушка Алёна,
Улыбаясь радостно, стоит.

Всё такая же, в платке из ситца,
Добрая, доверчивая всем.
Никому, наверное, не снится,
Что уйдём из жизни насовсем,
Навсегда, как бабушка Алёна, -
Тихая, открытая душа.
И над нами будут ветви клёна
Листьями печальными шуршать.

Вот и всё.
Но как же это мало –
Тихо жить и тихо умереть,
В золотом огне самообмана
Медленно и тускло догореть.
И в судьбу уверовать вначале,
И принять её, как крест, в конце...
Долго-долго снится мне ночами
Бабушка Алёна на крыльце.

Остановилось время или нет,
Когда передо мною ты явилась?
Мне кажется, оно остановилось,
Остановились музыка и свет.
И только сердце учащенно билось
Среди миров недвижимых планет.

Свечение земное красоты
Среди забот, ошибок и понятий,
Среди моих обыденных занятий
На миг один остановила ты.
На посулы восторгов и проклятий
Зелёный свет пролился с высоты.

И я, свою удачу торопя,
К тебе желаньем нежным встрепенулся,
Горячими руками потянулся,
Одну тебя возвышенно любя,
Но в ужасе холодном
содрогнулся,

Что нет тебя
И не было тебя.

Здравствуй, мама,
Я снова дома
Через много и зим, и лет.
Через боль и огонь надлома,
От которых спасенья нет.
Ты поймёшь и мои утраты,
И морщинки у серых глаз,
И холодную дань расплаты
Не в последний, не в первый раз.
Здравствуй, мама,
Моё начало
От рождения до конца.
Ты прости, что смотрю устало
Молодыми глазами отца.

Человек уснул и не вернулся
В старый мир волнений и тревог.
Просто он однажды не проснулся –
Не хотел, а может быть, не смог.
А его ведь в этом мире ждали
Дети, внуки, звуки и цвета,
И зарёй освеченные дали,
И знакомой жизни суета.
А во сне звала, ждала другая,
Не желая больше ничего,
Самая на свете дорогая,
Самая любимая его.
Повторяя, совно на удачу,
Песенки есенинской слова:
«Не жалею, не зову, не плачу»,
Понял он, что песня не нова.
В жизни повторяется такое –
Хочешь жить, да кто-то не велит.
Сон глубокий вечного покоя
Человеку веки тяжелит.
Никакая сила не разбудит,
Только эхо памяти во след.
Так уходят-засыпают люди,
Превращаясь в музыку и свет.

И снова удивляюсь я немало:
Из одного того же матерьяла –
Не чудо ль это? –
Из тепла и света,
Из почвы и воды
Творит природа
Разные плоды:
Арбуз и дыню,
Яблоко и грушу...
Понять бы до конца природы душу
И жизни суть...
.....
Тревожит разум
Не даёт уснуть
Мне мысль одна:
Вдруг это всё однажды
Сгорит в огне пожара одного,
И разум, умирающий от жажды,
Понять уже не сможет ничего.

Вечереет рано в ноябре.
Первый снег растаял.
Неуютный вечер во дворе
Фонари расставил.
Чёрные деревья не шумят,
Не дрожат, как струны.
Фонари округлые горят,
Жёлтые, как луны.

Песня водителей

Мы на людей не смотрим с высоты,
У нас вполне обычная работа.
С мотором и «баранкой» мы на «ты»
До самого крутого поворота.
Опять летит по городу такси,
Деревья белоснежны от мороза, –
Вокруг своей натруженной оси
Стремительно вращаются колёса.
Дорога и движенье – наш удел,
Нам не уйти от дела дорогого,
Но если ты удачу проглядел,
Вини себя и никого другого.
Машина – наш второй заветный дом,
А дружба – наша сила и подмога.
Работаем и любим, и живём,
И вечная подруга нам – дорога.

Орёл, зелёный город на Оке,
Легендами живыми окрылённый,
То с пикой,
То с винтовкою в руке,
Он был не раз захватчиком пленённый.
Рождённый по велению царя,
Которого все Грозным величали,
Мой город рос.
Тревожная заря
Над ним вставала в огненной печали.
Он был младенцем,
А ему уже
Готовили набеги и пожары,
И было всё: смятение в душе,
Предсмертный крик,
И кони дико ржали.
И каждый раз, суровый от огня,
Он верил, что свободным будет небо,
И землю раскалённую обняв,
Он и пленённый,
Покорённым не был.
Ретивый конь в серебряной узде,
Не думая уже о человеке,
В последний раз копытом по звезде
Жестоко бил и затихал на веки.
Стонала Русь, и город мой стонал
Колоколами грозно и призывно,
Как воин, до последнего стоял
За каждый дом и вёл с собою сына.
И побеждал, почти полуживой,
Седой от пепла и от потрясений,
Стлицы и Руси сторожевой,
Опять зелёный и опять весенний.

Время

Живём и думаем о том,
Что будет после нас.
Строители возводят дом,
Геологи в краю лесном
Находят нефть и газ.
Через тайгу железный путь
Ложится на века.
Вздывается в работе грудь,
И видится земная суть –
Дорога далека.
От октября до октября,
Который год подряд
Восходит ясная заря,
И разливаясь за моря,
Огни её горят.
И в ритме буден и труда,
И в смене дней и лет,
В зелёный зной и в холода
Восходит красная звезда,
Которой ближе нет.

Ехала на лошади
 женщина красивая.
Лошадь улыбается,
 женщина поёт.
Видно, эта женщина
 самая счастливая,
Если лошадь женщину
 весело везёт.
Хорошо под солнышком
 самому счастливому.
Вот они приедут
 к дому ночевать,
И пойдёт с улыбкой
 женщина к любимому,
И пойдёт в конюшню
 лошадь мирно спать.

Не место красит человека

Ведётся, видно, век от века:
За высью гор,
За ширью рек
Не место красит человека,
А место красит человек.
Известна истина простая
О том, что, не смежая век,
Сам из природы вырастая,
Растит природу человек.
Сам становясь нежней и проще,
И ошибаясь, и горя,
Он создаёт сады и рощи,
И рукотворные моря.
И потому на пике века
За высью гор,
За синью рек
И место красит человека,
И место красит человек.

Птицы уже на отлёте.
Вот над обрывом стою.
Ветры, о чём вы поёте
Вечную песню свою?

Знаю – не будет ответа.
Даль горизонта чиста.
Полны осеннего света
Милые сердцу места.

Только на сердце тревога,
А на душе непокой,
Словно осталось немного
Видеть отчизну такой.

Всё это было и будет,
Словно по сути самой:
Ветер души не остудит,
Птицы вернутся домой.

Навевая лунную прохладу,
Ищет вечер лунную зарю.
Не шуми ты, дерево, не надо,
Если я с любимой говорю.

Лунный свет пройдёт,
Как всё проходит,
Осенью осветятся леса,
Гулким эхом вспыхнут на восходе
Утренние наши голоса.

Ты поймёшь, что я тебе не пара,
Есть другие, лучше и милей,
Есть огонь душевного пожара,
Ветром лет навеянный с полей.

Он горит и обещает много,
И светла полночная дорога.

Завтра будет ясная погода:
Солнце чисто село за леса.
Продолжение летнего похода
Обещает ранняя роса.
Приютит нас добрая опушка.
Некогда нам будет тосковать.
Будет одинокая кукушка
Годы-километры куковать.
А за перекатами речными,
Где гуляет ветер налегке,
Перепёлка вскриками ночными
Сонно отзовется вдалеке.
Вечно молодой и вечно древний
Мир полей зелёных и лесов
Всколыхнёт нам души за деревней
Шёпотом и звоном голосов.
Оттого и станем вдруг моложе,
Выйдя за родительский порог,
И земля покажется дороже
Даже пылью пройденных дорог.

Три зелёных месяца

Стихи для детей

Три зелёных месяца

Что такое лето?
Это много света.
Это листья и трава,
Это росная тропа.
Шелестят и светятся
Три зеленых месяца.

Июнь

Ярок, солнечен и юн
Начинается июнь.
Дышит свежестью река,
Зацвели ромашки.
А в коробке два жука
У меня в кармашке.
А по дугу посвист кос –
Это значит сенокос.

Июль

В июле солнце высоко,
А лес пропах грибами.
Вот стаи белых облаков
Над теплыми лугами.
В лесу под кустиком стоят
Грибы на толстых ножках.
На ветках ягоды горят
И просятся в лукошко.

Август

Лету в августе конец,
Взрослой птицей стал птенец.
Тяжелее дышит сад,
А на рыжих грядках
Дыни спелые лежат
В золотых заплатках.
Огород совсем зарос.
Лист желтеет у берёз.
Это по откосам
К нам крадется осень.

Птицам снится лето

Птицам снится лето –
Шумная пора,
В листьях тихо ветер
Шелестит с утра.
На берег отлогий
Солнце шлёт лучи,
Дятел у дороги
На сосне стучит.
Как из русской печки,
Пышет днём жара,
И звенит у речки
Смехом детвора.
Птицам лето снится,
Липы на горе.
А проснулись птицы –
Осень на дворе.

Гроза

Ночью ухала гроза,
Падал ветер в лужи.
Я зажмурила глаза
И закрыла уши.
А когда открыла их,
Громко птицы пели.
С крыш блестящих,
голубых
Падали капли.

Лужи

Лужи синие смеются,
Если солнце светит в них.
Но когда дожди польются,
Очень скучные они.
Черепаше – но колено,
Крокодилу в них – беда,
А когда ступает Лена,
Шевелится вся вода.

Кораблик

Мой кораблик по волнам
Весело качается.
Только жаль, что у меня
Ниточка кончается.
Прокатиться бы на нем
Мог любой и каждый,
Только жаль, что мокрый он
И совсем бумажный.

Кукла

У Аленушки моей
Много кукол и зверей.
Есть и заяц, и медведь,
Не умеющий реветь.
И больная кукла есть:
Ничего не хочет есть.
Что у куклы той болит.
Никому не говорит.

Ёлка

На стекле седые ёлки
Дед-Мороз рисует всем,
Но на ёлках тех иголки
Не колючие совсем.
Я у белого окошка
Старый стул поставила,
Ёлку тронула немножко,
А она
Растаяла.

Гуси

Старый дедушка Евсей
На лугу пасёт гусей.
Гуси белые, как снег,
Лапы красные у всех.
Ходят гуси: «Га-га-га...»
А над ними радуга,
А над ними самолёт
За собой гусей зовёт.
Только гуси не летят.
Видно, гуси не хотят.

Корова

Все знают: корова даёт молоко.
Живёт та корова от нас далеко.
Жуёт она травку, водичку глотает,
Во сне вместе с нами порою летает.
А утром встаёт и опять на луга
Несёт своё «Му», и бока, и рога.
Идёт она снова за тем молоком,
И лижет росы серебро языком,
И снова душистую травку жуёт,
Потом отдыхает.
Вот так и живёт.

Задача

Мы с другом весело живём,
Четыре яблока берём
И делим пополам.
По сколько яблок вышло нам?

Ещё внимательно послушай:
Затем берём четыре груши
И тоже делим пополам.
По сколько груш досталось нам?

Теперь задачу взвесьте:
По сколько же досталось нам
И груш, и яблок вместе?

Дедушка Егор

Солнце дыней переспелой
Зацепилось за бугор.
Головой кивает белой
Добрый дедушка Егор.
Он рассказывает были
Про далёкие бои,
Говорит:
– Отважны были
Все товарищи мои.
Под Москвой убит Василий,
Под Варшавой – Николай,
До Берлина путь осилил
Мой приятель Ермолай.
Я дошёл до самой Праги,
Только ранило в плечо.
Над Европой наши флаги
Полыхали горячо...
Про атаки штыковые,
Про награды боевые
Вяжет тихие слова,
Через годы ветровые
Память старая жива.
Солнце дыней переспелой
Закатилось за бугор.
Головой кивает белой
Добрый дедушка Егор.

Анатолий Шилаев с орловскими писателями, 70-е годы.

Поэты Дмитрий Блынский и Анатолий Шилаев. Москва, 60-е годы.

Владимир Перкин, Валентин Васичкин, Анатолий Шилаев на литературном празднике в Орловском районе, 80-е годы.

«Свет Родины во мне горит...»

Новую книгу стихов Анатолия Шилаева «Свет Родины» Приокское книжное издательство выпустило накануне 40-летия освобождения Орла от немецко-фашистских захватчиков.

Когда началась Великая Отечественная война, нынешнему поэту было три года. Он не помнит сборов отца на фронт, его прощальных слов. Ушел и погиб на Смоленском направлении Степан Шилаев...

Через тридцать с лишним лет его сын, офицер запаса, напишет стихи памяти отца:

*Будут ливни, будут листья падать,
точно так, как много лет назад.
Будет вдов измученная память
вспоминать любимые глаза.
Будут сны, туманно оседая,
в глубине мерцать,
как первый снег...
И однажды женщина седая
закричит испуганно во сне.*

Память об отце присутствует в каждой книге поэта. Иначе и быть не может: священная память о наших самых дорогих людях — это память о том, что у тебя есть Родина, что за нее в смертельный час ты должен встать и, если придется, умереть с оружием в руках, лицом к врагу.

Читаю новую книгу поэта и вспоминаю фотографию первых дней войны: из земляного укрытия выглядывают испуганные дети, а над ними летит самолет с чёрными крестами. Мне всё время кажется, что один из этих ребят — мальчуган Толя Шилаев, который почти два года прожил в оккупированном Орле и своими глазами видел зверства фашистов, расстрелы, расправы над мирными жи-

телями. Но дожили орловцы до радостного дня. И вот забываемая встреча:

*Я стоял возле матери смиренно,
от рассвета ежился зябко.
Вдруг солдат
в гимнастёрке застиранной
протянул мне два спелых яблока.*

Солдат и ребёнок. Совсем рядом видишь двоих: большой пойдёт дальше: через Белоруссию и Польшу, до самого Берлина. А маленький станет расти и учиться.

Мне пришлось быть свидетелем работы поэта над этой книгой. Анатолий Шилаев только что возвратился из Ленинграда и был потрясён. Глубоко тронула его встреча с могилкой великого русского полководца А. В. Суворова. Вскоре появились стихи:

*Всё просто, как под солнышком трава.
Всё сложно, и тревожно, и сурово.
Но вдруг воскреснут
в памяти слова
на белом камне:
«Здесь лежит Суворов»...*

В этом стихотворении не только дань памяти великой русской истории, не только поэтическая удача. Здесь гражданская позиция поэта, его нравственный устой, то, к чему он идет уже двадцать с лишним лет, со своего первого стихотворения до новой, шестой по счету, книги.

Мне хорошо помнится разговор с Дмитрием Блынским летом 1961 года. Когда я спросил у него, кто из молодых орловцев, начинающих поэтов, подаёт надежды, он ответил:

– Посмотри.

Передо мной появилась фотография Блынского и молодого солдата рядом с ним.

– Это Анатолий Шилаев, – объяснил Дмитрий Иванович. – Сейчас служит в армии, в Москве. Я часто с ним встречаюсь. Стоящий парень. Не суетится, не спешит. Пристально смотрит на свои прожитые не многие, но тревожные годы, старается основательно разобраться, для чего живёт, каков с него спрос, что должен делать завтра и как делать. Такие парни, переживающие суровые испытания, на мелочи не размениваются. Я надеюсь на него.

Внимательный читатель почувствует благотворное влияние Блынского на творчество Анатолия Шилаева. Но тот не подражает одному из своих учителей, а продолжает то, что так ярко и убедительно начал Блынский.

Суть новых стихов, собранных в этом поэтическом сборнике, – неуспокоенность, преданность делу, ради которого живёшь, постоянная дума о Родине, её людях и, наконец, тревога за завтрашний день.

Всего какая-то частица сказана о новой книге нашего земляка-поэта, о книге ёмкой, полной. Но, пожалуй, лучше всего её охарактеризуют такие строки из заглавного стихотворения:

*Свет Родины во мне горит,
Как свет берёз, луны и снега...
О многом сердцу говорит
Напев над зеленью побега.*

*Борис Попов
«Орловская правда» № 189 (18460)
14 августа 1983 года, с.3*

и по рекомендации 5-го Всесоюзного совещания молодых литераторов был принят в члены Союза писателей СССР. И все последующие годы он, как Мастер слова в литературном цехе Орловщины, был организатором многочисленных творческих встреч писателей с коллективами заводов и фабрик, школ, детских садов и профтехучилищ, с сельскими тружениками. И в тоже время творчески работал над своими новыми книгами, как и все писатели, выступал с творческими отчётами перед читателями в различных аудиториях Орла и на селе. Интересными были такие его встречи в содружестве с композитором А.Крепких, который положил на музыку не одно его стихотворение.

Первая моя встреча с Анатолием Шиляевым произошла в редакции областной молодёжной газеты «Орловский комсомолец», размещавшейся в начале 1960-х годов в доме №16 по Почтовому переулку, где по субботним дням поэт Виктор Дронников собирал членов литобъединения. Анатолий работал на заводе и заочно учился в Литературном институте им. А.М.Горького, так что его уроки мастерства вступающим на поэтическую стезю давали много полезного. И конечно же он читал свои стихи. Негромкий, доверительный голос, светлое, спокойное лицо, на какое-то время то суровое, то подсвеченное мягкой улыбкой; и казалось, что и весь он внутренне, со своими мыслями и думками о тех, чьё творчество обсуждалось, такой же светлый душой и добрый сердцем.

Несмотря на то, что Анатолий Шиляев много лет посвятил работе на заводе, рабочая тема не стала главной в его творчестве. Уже в первых своих книгах он смотрел на мир с высоты полёта своей поэзии: говорил о героическом прошлом нашего народа, о Родине, о смысле жизни человека на земле и о любви ко всему живому, зовущему к жизни:

*Неразгаданная Россия,
Удивительная моя,
Ты меня на руках носила,
О хорошем мечту тая,*

*Ты была моим первым учителем,
Ты несла мне последний хлеб...
Я любви твоей не учитывал
По наивности детских лет.
Лишь позднее, окрепшим и сильным,
Научился я понимать,
Что такое любовь России,
Что такое Россия-мать.*

Или:

*Может, под Орлом или под Курском,
Родину, любовь свою храня,
Падали солдаты в поле русском,
Помнили солдаты про меня.
Верили в победу и Россию,
Падая в сожжённую траву,
Верили, что трудности осилю
И за них на свете доживу.*

Не дожил, не долюбил, не дописал... но написанное им – поэзия высокого полёта, поэзия Мастера. И как самую дорогую память храню книги с его автографами. «Свет Родины» он подписал мне в Глазуновке 29 мая 1984 года – мы выступали в районе, он, я и композитор Александр Крепких. В середине 1970-х годов нас много лет подряд в преддверии дня освобождения Орла от немецко-фашистских захватчиков привечал город Новосиль. Книгу «Зелёный берег» подарил в Орле; под зелёной обложкой короткая пророческая надпись: «Валентину Васичкину навсегда дружески»; и ниже авторская подпись.

Валентин Васичкин

«Тихий голос меня окликает...»

В творчестве истинных русских поэтов, в какую бы эпоху они не жили, о чём бы ни говорили, незримо присутствует образ родной земли. В современной литературе особенно ярко тема Родины прозвучала в творчестве поэтов советской эпохи, к поколению которых принадлежит Анатолий Шиляев. Его искренние поэтические строки западают в душу, они так светлы по настроению и мелодичны, что легко превращаются в песни:

*На зелёных холмах
Дремлет древняя Русь.
В ней и силы размах,
В ней и сказка, и грусть.
Речек русскую речь,
Тропок светлую нить
Как же нам не беречь,
Как же нам не любить!*

Анатолий Степанович Шиляев родился 6 февраля 1938 года в городе Орле, в простой семье. Детство поэта пришлось на трагическое военное время. Дом в орловском Рабочем городке сгорел после артобстрела в 1943 году. Отец поэта – Шиляев Степан Михайлович, командир сапёрной роты, длительное время считался пропавшим без вести. Семья, в которой кроме Анатолия росли ещё трое мальчиков, осталась на улице. После окончания войны в 1945 году к СССР снова отошёл юг острова Сахалин. С 1946 года началось его активное освоение. Мать Анатолия Шиляева, Гусельникова Евдокия Александровна, чтобы спасти детей от голода, уехала вместе с ними на заработки в город Чехов Сахалинской области, работала на рыбзаводе. Через несколько лет семья вернулась в родной город Орёл. Снимали жильё сначала на улице Зелёный Берег, потом на Щепной. Наконец, в конце пятидесятых мать поэта как вдова погибшего офицера полу-

чила квартиру. Анатолий Шиляев закончил в городе Орле школу № 12. В 1955 году в газете «Орловский комсомолец» были опубликованы его первые стихи. Служба в Армии проходила в городе Москве, в войсковой части при Военной Академии им. Жуковского. В столице Анатолий Шиляев познакомился и подружился с поэтом Дмитрием Блыньским.

После демобилизации из рядов Советской Армии Шиляев поступил на факультет журналистики МГУ, где познакомился с поэтом Николаем Старшиновым, который в то время руководил университетским литературным объединением. Николай Старшинов высоко оценил творческие начинания молодого поэта и убедил его перевестись в Литературный институт имени М. Горького. На одном из творческих семинаров высококую оценку получило стихотворение «Яблоки» о памятном дне раннего детства – встрече 5 августа 1943 года с бойцами-освободителями в Орле:

*Я стоял возле матери смирно,
От рассвета ёжился зябко...
Вдруг
Солдат в гимнастёрке застиранной
Протянул мне
Два спелых яблока.
Были яблоки крутобокие.
И, взглянув на весёлые лица,
Тот солдат улыбнулся и, окая,
Мне:
– Возьми. Отобрал у фрица.
Мне как будто сказать было нечего.
Я стоял и молчал, как рыба.
Только к матери жался застенчиво
И совсем забыл про «спасибо»...
Годы скачут, как белые лошади.
Я теперь вспоминаю часто
Как тогда на гудящей площади
Ел я сочные яблоки счастья.*

В 1969 году Анатолий Шиляев окончил Литературный институт им. М. Горького. К этому времени уже вышли две

его книги – «Глубина сердца» (1966) и «Высокие деревья» (1968). Стихи публиковались в «Орловской правде», «Литературной газете», в журналах «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Техника – молодежи», стихотворения для детей – в журнале «Мурзилка». Анатолий Шиляев был участником V Всесоюзного совещания молодых литераторов, где получил рекомендацию в члены Союза писателей СССР в 1969 году. С 1961 по 1971 год работал наладчиком электрооборудования, позже – мастером цеха на Орловском радиоламповом заводе. С 1972 года, более десяти лет, Анатолий Степанович Шиляев бессменно возглавлял Бюро пропаганды художественной литературы при Орловской писательской организации, несколько лет был ответственным секретарём Орловской областной организации Союза писателей России. При его активном участии проходили Недели литературы в районах области, он был одним из организаторов Фетовского праздника поэзии на Орловщине, много сил отдал для того, чтобы орловские писатели получили отдельное здание на ул. Салтыкова-Щедрина.

Анатолий Шиляев – автор семи поэтических книг, многие стихи из которых пережили поэта, а некоторые стали песнями. Орловчане знают и помнят песни «Русь», «Гуси», «Не стареют войны ветераны» и другие, написанные композитором Анатолием Крепких на слова Анатолия Шиляева. Поэт Лев Котюков, говоря о творчестве Анатолия Шиляева, отмечал: «Стихи Шиляева – не поиск контакта с окружающим миром, а сам контакт. Ритм услышан поэтом, и его стихи живут этим ритмом... его палитра не назойлива, преобладают более полутона. Но эта неяркая живопись очень удачно подчёркивает душевную глубину стихов. Летят на юг караваны гусей, облетают последние листья с деревьев и рябина, алеющая в парке, провожает улетающих птиц:

*...Над пустыньны ми огородами.
Не понять ей теперь и впредь,
Как же можно
Прожить без Родины
И без Родины умереть?*

Этот лейтмотив не находится вне времени. Все радости и горести родимого края проходят через сердце поэта: это и стихи о без вести пропавшем солдате – «Память», и стихи о нашем сегодняшнем дне – «Гроза сгущается над миром...», «О страхе», «Иду по звёздам» и другие».

Лиричны, наполнены живыми красками, запахами и звуками стихотворения об орловской природе «Холмы и речки меж холмами...», «Над городом ворочается гром...», «Вот и лето на исходе», «Снег», «Лето», это не просто пейзажная лирика, в каждом четверостишии есть мысль, в стихотворении – философский взгляд на мир:

*Я ухожу в зелёные леса,
В мир ландышей и голубого света,
Где по ветвям стреляют голоса
Высокой песней будущего лета.*

*Здесь утренние запахи весны
Особенно понятны и знакомы,
И проступают в красках новизны
Природы неотступные законы.
Здесь дышат влажно ёлка и трава
И снежностью пропитанная свежесть,
Здесь у весны особые права
На красоту и солнечную нежность.*

*Из туч плеснёт угрюмая гроза, –
И снова солнцем высота лучится...
Я ухожу в зелёные леса
И мастерству, и нежности учиться.*

«Восторженно и влюблённо Анатолий Шиляев пишет о родной орловской природе», – отмечал Леонид Афонин. – «Уже в первых стихотворениях «Лебеди», «Заблуди меня, лес», «Россия», «Белый берег» он смотрел на мир с высоты полёта своей поэзии: говорил о героическом прошлом нашего народа, о Родине, о смысле жизни человека на земле и о любви ко всему живому, зовущему к жизни». Всё творчество Анатолия Шиляева, как и судьба, было тесно связано с

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «ГЛУБИНА СЕРДЦА» (1966)

Мерцание.....	7
«Моё сердце всё чаще томимо...».....	8
«Ах, ветер,...».....	9
Мастерство.....	10
Дороги.....	11
Качели.....	12
«Грею руки у таёжного костра...».....	13
«Горит ветвей зелёных пламя...».....	14
Лебеди.....	15
«Заблуди меня, лес,...».....	17
Россия.....	19
Мальчики – свидетели войны.....	21
Вокзалы.....	23
Белый бег.....	24
Белое бессмертие берёз.....	25
«Девочка играла на рояле...».....	26
«Ты уехала...».....	27
«Ты ревнуешь меня...».....	29
«На реке разбирают мосты...».....	30
«Крути, зима, маши!...».....	31
Глубина сердца.....	32
Море.....	33
«В нас плещет море...».....	34
Памяти отца.....	35
Равновесие.....	36
Музыка.....	37
Лошадь.....	38
«Ложь...».....	39
Прощание с летом.....	40
«Душе скучающей в угоду...».....	41
Первый снег.....	42

Из книги «ВЫСОКИЕ ДЕРЕВЬЯ» (1968)

Высокие деревья.....	45
Этюд.....	46
«Гроза сгущается над миром...».....	47
«Такое моё ремесло...».....	48

Память.....	49
Движение.....	49
Актриса.....	50
Творчество.....	51
«Страх начинается с сомнений...».....	53
«Иду по звёздам...».....	54
«Опять они, знакомые места...».....	55
«По вечерам...».....	57
Лето.....	58
«Без чёрной мысли...».....	59
Синица.....	61
«В небе чистом...».....	62
«Наверно, это очень трудно...».....	63
Снег.....	64
Портрет.....	65
Звёзды.....	66
Возраст.....	67
«А я люблю слова на «О»...».....	68
«Женщина расчёсывает волосы...».....	69
«Иду по гулкому проулку...».....	71
«Я ухожу в зелёные леса...».....	72

Из книги «РУССКАЯ РАВНИНА» (1970)

«Над Русской равниной...».....	75
Моим учителям.....	76
«Есть улица – Зелёный берег...».....	77
Весёлая слобода.....	79
«А красота бывает разная...».....	80
«Над городом...».....	81
«За город...».....	82
«Холмы и речки меж холмами...».....	83
«Слышу всхрапы коней...».....	84
«Рокошет небо реактивно...».....	85
Орёл.....	86
Моя земля.....	88
«Уже не кукует кукушка...».....	89
Мастер.....	90
«Не знаю, кто где упадёт...».....	91
«И начинается работа...».....	92
Июнь.....	93
Другу.....	94
«Вот и лето на исходе...».....	95
«Мне мил земли осенней уют...».....	96
«Живёт во мне стихотворенье...».....	97
«От метели до метели...».....	98

Тени.....	100
«На зло я отвечаю злом...».....	101
«Дарю тебе на дружбу...».....	102
«Всё тоньше отношусь к словам...».....	103
Гроза.....	104
Встреча.....	105
«От проходной завода...».....	106
«Раньше всех просыпаются дворники...».....	107
Человек.....	108

Из книги «ДВИЖЕНИЕ» (1974)

Движение.....	111
«Через поля дорога за селом...».....	112
Яблоки.....	113
Кого я другом назову.....	114
«Мой дом остался за холмами...».....	115
«Луна, очерченная строго...».....	116
«Светила тайная звезда...».....	116
«Последний снег...».....	117
Начало.....	118
Город моей судьбы.....	120
«Дни осени моей светлы...».....	121
«Вытряхивает небо тучи...».....	122
«Последние дни уходящего года...».....	123
«В плену у времени и дела...».....	124
«Стынет в синем холоде река...».....	125
Родина.....	126
Работа.....	127
«Мне говорил мой первый мастер...».....	128
«Уже настали солнечные годы...».....	129
Журналисты.....	130
«Уеду поездом вечерним...».....	131
«Зачем так сильно сердце билось...».....	132
«Там жена поскандалила с мужем...».....	133
Дочери.....	134
«Давних дней...».....	135
«Слышится песня мне...».....	136

Из книги «ЗЕЛЁНЫЙ БЕРЕГ» (1975)

«В моём краю...».....	139
«Упаду в траву...».....	141
«На скрещенье дорог, под ракушкой...».....	142
«Стареют войны ветераны...».....	143
«Друзья рождаются не вдруг...».....	144

«Для меня отпылали солдатские зори...».....	145
«Поклон вам...».....	146
«Отсчитывает время...».....	147
«Мы думаем, что всё ещё начало...».....	148
«По сути я – рабочий человек...».....	149
«Уравновешенность души...».....	151
«Я городской...».....	152
«И листьев шум...».....	153
«А я задумываюсь чаще...».....	154
«Полны водой моря и реки...».....	155
Цветы.....	156
Долг.....	156
«А почему цветы молчат...».....	157
«Все оставалось, как и прежде...».....	158
«Мне имя твоё накричали грачи...».....	159
«Ты узор старинный вышей...».....	160
«На румяном закате...».....	161
«Под окном твоим осыпалась сирень...».....	162
«Прости мне мои недостатки...».....	163
«На Родине моей опять апрель...».....	164
«Приветствую утро природы...».....	165
«В лесу знакомом пропадаю...».....	166
«Что есть любовь?...».....	167
«В тот вечер музыка звучала...».....	168
«Зелёный май — улыбка года...».....	169
«В траве высокой ходят кони...».....	170
«Вечерний свет тревожен и высок...».....	171
«Зовёт в леса зелёная земля...».....	172
«Прожурчали в небе журавли...».....	173
«Зима переписала набело...».....	174
«И вот зима...».....	175
«Дорога устала от бега...».....	176
«Зимний лес красив и светел...».....	177
«Стоит черемуха одна...».....	178
Пушкин.....	179
Русь.....	180

Из книги «СВЕТ РОДИНЫ» (1982)

Свет Родины.....	183
Утренний голос.....	184
Если о России.....	185
Степь.....	186
Благодарю.....	187
Земляки.....	189
Войду в берёзовую рощу.....	190

Триптих.....	191
От имени поколения.....	192
Успокой мне сердце.....	194
Жив человек.....	195
Матери моей.....	196
Вера.....	197
Монолог.....	198
Музыка.....	200
Половодье.....	201
Песня длилась.....	202
Зелень молодая.....	203
«Июньское солнце плеснётся...».....	204
Вечерняя гроза.....	205
Бабье лето.....	206
Соловей.....	207
Сенокос.....	208
«С холма высокого виднее...».....	209
Старик.....	210
«С годами всё яснее понимаешь...».....	212
Красный всадник.....	213
Суворов.....	214
На смерть Александра Твардовского.....	215
«Листья-дни облетают в траву...».....	216
«Уже не лето...».....	217
Октябрь.....	218
«Ещё до осени неблизко...».....	219
Осень.....	220
Берёзе.....	222
Зимнее.....	223
Русская земля.....	224
«Давно я начал понимать...».....	225
Материнская доля.....	226
Трус.....	231
Шарик.....	234
«Черна чугунная ограда...».....	235
Раздор.....	236
Слово.....	237
«Ещё живу вчерашним днем...».....	238
«Не жалею о том...».....	239
Берёза.....	240
За чистые рассветы впереди.....	241
Щенок.....	242
«Вот и выпали снега...».....	243
Нет, я не потерял свои права.....	244
Байкал.....	246
В Сибири кончается лето.....	247

«От любви моей небесной...».....	248
Давай сегодня помолчим.....	249
Друзьям.....	250
Гуси.....	251
«Тот счастлив...».....	252
Женщине.....	253
Весеннее.....	254
Дует ветер в тонкую тростинку.....	255
Молодость моя идет на убыль.....	256
Перед дорогой.....	258
Раздумье.....	259
Прости.....	260
«Мечтала девочка о многом...».....	261
Идут слова.....	262
Я был у Пушкина.....	263
Встреча.....	264
Лебединая песня свободы.....	265
Родина.....	266
Я сам себя переименую.....	267
У моря.....	268
«Ничего-то мне в жизни не надо...».....	269
Песня русская.....	270
Разлука.....	271
Связь.....	272
«Всё движется...».....	273
«Ты говоришь, что осени не рад...».....	274
На юге.....	275
«Жизнь на ощупь кажется тонка...».....	276
Дожди.....	277
Тополиный пух.....	278
«Аллеи Спасские, спасите...».....	279
Слово.....	280
Вода.....	280
Корни.....	281
Ветер утих.....	281
Мама.....	281
Апрель.....	282
Руки.....	282

ПОЗДНИЕ ПТИЦЫ
(Стихотворения разных лет,
не вошедшие в сборники)

Пора любви и листопада.....	285
Поздние птицы.....	286
«В наш дом ударила «фугаска»...».....	287

Своя походка.....	288
Ночь.....	289
Матери.....	290
Ленинский мост.....	291
Кузьма.....	292
Песня.....	293
«Уймись, душа...».....	294
«Развезло осенние дороги...».....	295
Памяти Дмитрия Блынского.....	296
Ливны.....	297
«Учусь у дерева...».....	298
Подарок.....	299
Голоса.....	300
«Я эти строки не придумал...».....	300
«Холодное дыхание небес...».....	301
Море.....	302
«Берег крут...».....	303
Кавказ.....	304
Поэт.....	305
Спит село.....	306
Шофёр.....	307
«Как поживаешь, дедушка Илья?...».....	308
Маршал Жуков.....	309
Круговорот.....	310
Встреча с детством.....	311
Идёт по земле человек.....	312
О Пушкине.....	313
«В спокойном свете позолоты...».....	314
«Я надену старые штиблеты...».....	314
Иван по деду и отцу.....	315
«Спешим, волнуемся, хлопочем...».....	318
«Купол голубого торжества...».....	319
«Когда ещё опята спят...».....	320
«Вчера был дождь...».....	321
Новый год.....	322
Столбы.....	324
«Природа человека наделила...».....	325
«Я снова дома!...».....	326
Памяти Василия Орлова.....	327
«Ходите по Орлу пешком...».....	328
Бабушка Алёна.....	330
«Остановилось время или нет...».....	332
«Здравствуй, мама...».....	333
«Человек уснул и не вернулся...».....	334
«И снова удивляюсь я немало...».....	335
«Вечереет рано в ноябре...».....	336

Песня водителей.....	337
«Орёл, зелёный город на Оке...».....	338
Время.....	339
«Ехала на лошади женщина красивая...».....	340
Не место красит человека.....	341
«Птицы уже на отлёте...».....	342
«Навеяла лунную прохладу...».....	343
«Завтра будет ясная погода...».....	344

ТРИ ЗЕЛЁНЫХ МЕСЯЦА

(Стихи для детей)

Три зелёных месяца.....	347
Июнь.....	347
Июль.....	347
Август.....	348
Птицам снится лето.....	348
Гроза.....	349
Лужи.....	349
Кораблик.....	349
Кукла.....	350
Ёлка.....	350
Гуси.....	351
Корова.....	351
Задача.....	352
Дедушка Егор.....	353

<i>Борис Попов</i> «Свет Родины во мне горит...».....	355
<i>Валентин Васичкин</i> Поэзия высокого полёта.....	358
<i>Елена Машукова</i> «Тихий голос меня окликает...».....	362

Анатолий Степанович Шиляев

НАД РУССКОЙ РАВНИНОЙ
Избранные стихотворения

Ответственный за выпуск *Е. А. Машукова*

Редактор-составитель *Е. А. Машукова*

Художник *Н. Я. Силаев*

Дизайн и компьютерная вёрстка *М. А. Соломатина*

Технический редактор *Г. В. Скорикова*

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ПАО «Типография «Труд»

302028, г. Орел, ул. Ленина, 1

Формат 84x108 1/32

Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5.

Тираж 300 экз. Заказ №

Анатолий Шилиев (1938 – 1987) – русский советский поэт, член Союза писателей СССР, автор нескольких поэтических сборников. Его творчество неразрывно связано с Россией, родной Орловщиной. Все радости и горести отчего края проходят через сердце поэта. Лиричны, наполнены живыми красками, запахами и звуками стихотворения об орловской природе, о героической истории нашего народа, о любви, о смысле жизни.

В книгу Анатолия Шилиева «Над Русской равниной» вошли стихотворения из поэтических сборников «Глубина сердца», «Русская равнина», «Высокие деревья», «Движение», «Зелёный берег», «Свет Родины», а также стихи, написанные поэтом в последние годы жизни и ранее не публиковавшиеся.